

Сергей Лукьяненко
представляет автора

Саша Кругосветов

ПУТЕШЕСТВИЯ КАПИТАНА
АЛЕКСАНДРА
ТОМ II

Сергей Лукьяненко представляет автора

Саша Кругосветов

**Путешествия капитана
Александра. Том 2**

«Региональное отделение продюсерского центра
при Интернациональном Союзе писателей»

2015

УДК 821.161.1
ББК 82(2Рос=Рус)6

Кругосветов С.

Путешествия капитана Александра. Том 2 / С. Кругосветов —
«Региональное отделение продюсерского центра при
Интернациональном Союзе писателей», 2015 — (Сергей
Лукьяненко представляет автора)

Второй том «Приключений капитана Александра» включает в себя повести
«Архипелаг Блуждающих Огней» и «Остров Дадо. Суеверная демократия»,
продолжающие рассказ о том, где были и что видели знаменитый капитан и
его друзья.

УДК 821.161.1
ББК 82(2Рос=Рус)6

© Кругосветов С., 2015
© Региональное отделение
продюсерского центра при
Интернациональном Союзе
писателей, 2015

Содержание

Книга 3	9
Предисловие автора	11
Томас Бриджес	15
Там, где кончается земля	18
Индейцы Фуэгины	22
Встречи с Фуэгинами	26
Земля Блуждающих Огней	29
Мыс Каап Хоорн	31
Бухты и проливы архипелага Блуждающих Огней	33
Джимми Пуговка	36
Канал Гончей	40
Залив Заката	45
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Саша Кругосветов

Путешествия капитана Александра

Том II

*Книга – сказочная лампа, дарящая человеку свет на самых далеких
и темных дорогах жизни.*

А. М. Улит

«ПУТЕШЕСТВИЯ КАПИТАНА АЛЕКСАНДРА» – это сборники приключенческих рассказов для детей и подростков. Их герой, будучи юнгой, участвовал в Синопском сражении и в

обороне Севастополя. Кумирами капитана Александра с детских лет были адмиралы Лазарев и Нахимов.

Капитан Александр, впоследствии известный мореплаватель второй половины XIX века, ходил на деревянных парусных судах и не изменял им даже с появлением железных кораблей и паровых машин.

Он путешествовал вместе со своими друзьями – Боцманом, Штурманом, Поваром-Кокком и говорящим голубем Митрофаном. С ними путешествовали также два мальчика-великана Дол и Зюл, найденные на побережьях островов Франков и Бриттов.

Приключения героев происходят в море, на суше и на островах, имеющих конкретную географическую привязку: Нормандские, Азорские острова, остров Комодо, Галапагосские, Маркизские острова, острова Туамоту, остров Мадагаскар, Патагония, Огненная Земля.

Всего сборников – пять. Первый том включает в себя первую книгу из цикла «Путешествия капитана Александра»: «Большие дети моря», предназначенную для детей шести лет, и вторую книгу «Киты и люди» – для детей 10–11 лет. Вы держите в руках второй том. В нем помещены третья и четвертая книги. Третья книга «Архипелаг Блуждающих Огней» – для детей 14 лет и старше. В ней описывается история колонизации Патагонии и островов Южной Америки. Четвертая книга «Остров Дадо. Суеверная демократия» – это облегченный политический памфлет, предназначенный для юношеского и взрослого прочтения. В третьем и четвертом томах вы найдете «Остров Мория. Пацанская демократия», также политический памфлет в форме тревелога. Эта книга ранее ранее не издавалась. Отдельной книгой выходило приложение к ней «Морийские рассказы. Бывальщина и небывальщина» – в России, «Морийские рассказы» издавались в Венгрии, на венгерском языке в составе сборника. В данном издании книга «Остров Мория. Пацанская демократия» публикуется в сокращенном виде.

Надеюсь, что жизнь и приключения капитана Александра, до настоящего времени мало освещенные в литературе, окажутся интересными и поучительными для юных читателей и их родителей.

* * *

Книга Саши Кругосветова – ценный опыт, не вполне тривиальный для наших мракобесных времен. Перед вами книга для детей, но не просто книга, а книга просвещенческая, которых много было (разного, но в целом довольно высокого качества) при советской власти, да и на западе издается множество (несмотря на пресловутые причитания о его бездуховности), – но вовсе не много выходит в России.

Излюбленная отроками литература приключенческая, литература о странствиях и путешествиях лишь на первый взгляд отошла в прошлое в эпоху тотальной связности мира, сетевого мультикультурального общества. Впрочем, автору, безусловно, не зря пришло в голову стилизовать свое сочинение, перенести его действие в прошлое, овеянное легендами о путешественниках и мореплавателях, первооткрывателей новых земель и племен.

В книге – не только рассказ об экзотических землях, флоре и фауне, погоде и ландшафтах, исконных народах и поселенцах, – но и весьма тонкая работа с литературными аллюзиями, от Жюль Верна до Льюиса Кэрролла, от Джонатана Свифта до Чарльза Дарвина; перед нами литературный путеводитель не только по реальному, но воображаемому миру. В этом смысле этнографически-географическая занимательность сочетается здесь с фантастическим сюжетом, сталкивающим разные пласты бытия.

Данила ДАВЫДОВ

* * *

Герои книг Саши Кругосветова по достоинству заняли в одном ряду с известными литературными мореплавателями – персонажами таких книг, как «Приключения капитана Врунгеля» Андрея Некрасова и «Суер-Рыер» Юрия Коваля. Аллюзии и ассоциации – это те тонкие материи, которыми пестрит новое произведение этого необычного автора. Оно наполнено не только увлекательными приключениями, но и не менее увлекательными культурологическими загадками, разгадывая которые умный читатель не может не получить удовольствия. Сюжетные коллизии этой книги заставляют вспомнить произведения писателей прошлого. Старые истории в ней обретают новую форму и принимают новый смысл. Автор словно играет с читателем в интеллектуальную игру. Но играет отчасти в поддавки. Так что читатель в результате, конечно, выигрывает. А как же иначе?

Андрей ЩЕРБАК-ЖУКОВ,
писатель, поэт, критик

Книга 3

Архипелаг Блуждающих Огней

Рассказ о том, как капитан Александр на своем корабле «Быстрые паруса» достиг края земли и какие новые приключения случились с ним во время этого путешествия

Предисловие автора

Это рассказ о путешествии капитана Александра туда, где кончается земля. Где расположена самая южная оконечность Южной Америки. Далекый край. Куда могут добраться только самые отчаянные или вконец отчаявшиеся.

Ты увидишь необычную природу этого края. Животных, о которых в наше время остались только воспоминания. Возможно, почувствуешь незнакомый нам дух тысячелетнего запустения. Познакомишься с людьми, которые по собственной воле, в силу своего необузданного нрава или силою преследующих их обстоятельств и напастей, покинули привычные места обитания. Капитан Александр встретит гордых и униженных туземцев, пришедших сюда то ли с теплого севера, то ли из покрытой льдом Антарктиды. Туземцев, прошедших обучение в Англии, побывавших на приеме английской королевы и с удовольствием вернувшихся к обычной для себя дикой жизни на краю земли. Юную индейскую жрицу. Племена туземцев, которых сейчас уже нет. И от которых остался только их язык, записанный европейцами. Английского миссионера, в прошлом мальчика из богатой семьи, брошенного на произвол судьбы и найденного на мосту в Англии в день святого Томаса. Благородных миссионеров, разочаровавшихся в своей миссии. Самого жестокого убийцу. Русского бомбиста-анархиста. Неудавшегося президента. Самую богатую женщину Южной Америки, вывезенную отцом в пятнадцатилетнем возрасте из местечка в Курляндии. Спившегося греческого попа. Бравого немецкого вояку, бывшего сержанта королевской гвардии в Вене. Браконьеров, настоящих «братьев-разбойников». Охранников тюрьмы из Хорватии. Огненного диктатора и жестокого преследователя индейцев. Всех тех, кто не смог или не захотел ужитья нигде в других краях и только на этой, забытой богом земле, нашёл свое место. Только эта земля смогла и принять их, и успокоить.

А что ты скажешь о нашем главном герое, капитане Александре? Ты уже почти взрослый. И наверное, думаешь: опять все вокруг – то плохие, то несчастенькие, или в крайнем случае – так себе. А главный герой, конечно же, безупречен. Он никогда и ни в чем не ошибается. Всегда одерживает победы. Не совершает плохих поступков. И даже мыслей плохих не имеет. А рассказчик, наверное, постоянно прячется за своего героя и думает, что и сам он такой же.

Конечно, это не так. Герой наш, как и все мы, не без недостатков, а рассказчик – и подавно. Были у капитана Александра и дни сомнений в правильности выбранного пути, были и ошибки, и минуты слабости. Просто если кто-то не поддавался этим самым минутным слабостям, делал много хорошего для людей и животных, не подводил друзей, не боялся, не отсиживался за чужими спинами, брал на себя ответственность, не гнулся при встречном ветре, слабым помогал, по чести, по совести жил, словом своим и честью страны дорожил... Если за жизнь его накопилось столько славных дел... А прошло уже пятьдесят лет, и сто лет, и сто пятьдесят лет. Из памяти людей выветрились ошибки этого человека, словно их никогда и не было. Если даже и были – важно ли это? Так устроена память. Запоминаем хорошее. О плохом стараемся не вспоминать. Остается благородный образ отважного русского мореплавателя, несущего по миру славу о родной земле. Будем вспоминать о нем то, что знаем. А чего не знаем – как мы можем об этом вспомнить? Вот и получается: герой наш чист, как кристалл ограненный. И перед богом, и перед людьми. И поблагодарим капитана Александра за его жизненный подвиг.

* * *

Corrige praeteritum, praesens rege, cerne futurum.

Исправляй прошлое, руководи настоящим, думай о будущем.

Сенека

Создавая, не обладать.

Приводя в движение, не прилагать усилий.

Руководя, не считать себя властелином.

Успешно завершая, не гордиться.

Лао Цзы

Капитан Александр часто посещал великанов Дола и Зюла во время их учебы в университете и рассказывал о своих новых путешествиях и впечатлениях, которые он вынес из этих поездок. Конечно, Дола и Зюла интересовало все, но больше всего – именно то, что могло быть связано с историей их народа или следами, оставленными на Земле великой цивилизацией атлантов.

Капитан Александр рассказывал им об идолах острова Пасхи, установленных людьми другой, отличной от нашей, расы времен Лемурии. Об исполинских сооружениях Нан Мадол, построенных лемурийцами, видимо, в те же доисторические времена и восстановленных их потомками атлантами. Об остатках впечатляющих каменных построек на островах Великих воинов и искусно выполненных изваяниях, встречающихся на острове Дадо. И то, и другое, – дело рук предков атлантов или самих атлантов.

Но как же все это было давно, насколько древними были эти следы! Не сотни и даже не тысячи лет отделяют современный мир от цивилизаций, оставивших эти памятники и сооружения.

«Мои друзья Дол и Зюл жили в недавнем прошлом на осколках их родины на Лазурных островах, – думал капитан Александр. – Кто и каким образом создал там особые условия, позволившие сохранить в неприкосновенности атлантов – гигантов, живших на земле до начала эпохи современных людей? Видно, существуют некие могущественные и неизвестные нам Архитекторы истории. Не видя воочию Дола и Зюла так, как вижу их я, трудно поверить, что такое возможно. А ведь великаны эти – такие же люди, как мы. С ними можно говорить, дружить, делить радости и печали. Дол и Зюл живут здесь, рядом. Но где их предки? Исполин-

ские сооружения и постройки, подтверждающие существование на земле древнейших цивилизаций, отстоят от нас слишком далеко во времени, однако цепочка жизней, идущая от древних лемурийцев и атлантов до наших дней, не обрывалась. Где-то существует промежуточное звено, свидетельство о жизни этого народа, оставленное совсем недавно. В свое время атланты создали цивилизацию очень высокого уровня и расселились по всему земному шару. Обязательно должны сохраниться памятники этой цивилизации и артефакты на месте их исторической родины. Не могли они бесследно исчезнуть. Должны остаться следы этой культуры в письменности, искусстве или преданиях других народов, пришедших им на смену.

Непонятно, где жили в наше время ближайшие родственники Дола и Зюла, их деды и прадеды, откуда пришли великаны Гаргантюа и Пантагрюэль. Быть может, атланты живы до сих пор и находятся где-то рядом. Многие тайны еще не открыты. Они сохранились под землей, на дне морей, в космосе, в малоизученных уголках нашей Земли», – так думал капитан Александр, глядя на своих молодых друзей. Он был уверен, что родители этих парней живы. Были ли у Александра основания так думать? Или просто очень хотелось, чтобы Дол и Зюл снова обрели своих родных?

Капитан Александр рассказывал Долу и Зюлу о знаменитом городе Тиауанако, построенном предшественниками инков. Как в этих недоступных местах могла появиться столь развитая цивилизация? Где инки могли оставить потомкам послания своих знаменитых предшественников? Конкистадоры искали сокровища индейцев – не нашли. Быть может, думал Александр, вместе с не найденными пока сокровищами, посвященные сохраняли послания атлантов потомкам.

Удивительны знания инков. Как объяснить то, что примитивные племена, не знавшие колеса, железа, математики, обладали такими знаниями в астрономии, и почему они смогли предсказать многие будущие исторические события?

Конечно, капитан Александр беседовал с Долем и Зюлом и о заброшенных городах, и о подземных мирах. Греки называли подземный мир Аидом, скандинавы – Свартальвхеймом, иудеи – Шеолом, христиане – Адом, буддисты – Агартой. Александру были известны труды швейцарского и российского математика Эйлера, шотландского математика Лесли, американца Кливза Симмса-младшего, считавших, что земля полая. Предания и древние рукописи свидетельствовали, что выходы из подземных миров Агарты есть на полюсах, в Тибете, на островах Тихого океана, в Перу, в Калифорнии. Капитан Александр был знаком и дружен с британским полковником Перси Фоссетом, отважным исследователем бразильской сельвы в горах Рикардо Франко-Хиллс, посвятившим всю жизнь поискам «белых индейцев» – рыжеволосых голубоглазых потомков атлантов – и их изумительных городов, описанных в рукописном журнале португальского экспедиционного отряда (бандейры) XVIII века¹

Знаком Александр был и с профессором антропологии и зоологии Челленджером², повторившим маршрут Фоссета, и с профессором минералогии Отто Лиденброком³, опускавшимся в Исландии в кратер вулкана Ёкула Снефельс. И, конечно, он не раз беседовал с норвежцем Олафом Янсенем⁴, попавшим вместе с отцом на «внутреннюю» поверхность земли и прожившим там два года. Достоверны ли сведения, полученные от этих людей? Одно можно сказать с уверенностью: у капитана Александра были основания надеяться, что на земле, под землей или под водой ему удастся отыскать древние города атлантов и встретиться с их жителями. Ведь ему довелось однажды проникнуть в тайные пещеры Нан Мадола, ревностно оберегаемые от чужих глаз одним из Хранителей истории. Не на все вопросы Александра согласился

---

¹ Рукопись 512, на португальском языке, хранится в Национальной библиотеке Рио-де-Жанейро. «Историческая реляция о неведомом и большом поселении, древнейшем, без жителей, кое было открыто в год 1753».

² А. Конан Дойль «Затерянный мир».

³ Жюль Верн «Путешествие к центру Земли».

⁴ Уиллис Джордж Эмерсон «Закопченный Бог».

ответить Хранитель. Его молчание в ответ на некоторые вопросы временами было красноречивей ответов.

Преподобный Льюис Доджсон, с которым капитан Александр также делился своими размышлениями на эту тему, посоветовал отправиться в самые отдаленные, наименее освоенные и заселенные места Южной Америки, к южной оконечности материка. И попытаться войти в контакт с живущими там индейцами – возможно, они помогут найти свежие следы древних культур и древних цивилизаций.

Так начиналась эта история. Не исключено, что были и другие причины, побудившие нашего героя отправиться в южное Приполярье. Мы этого не знаем точно. Но факт остается фактом. Александр принял решение двигаться на юг, вдоль Южноамериканского побережья Атлантики, настолько далеко, насколько это будет возможно, и никогда в будущем не пожалел об этом.

Томас Бриджес

Льюис Доджсон дал капитану Александру рекомендательное письмо для своего друга – англиканского миссионера Томаса Бриджеса. Томас, как рассказал Льюис Доджсон, поселился среди диких индейцев приполярной области Южной Америки, подружился с ними, хорошо изучил их быт и языки, ходил с ними на охоту и занимался рыбной ловлей.

Следует остановиться на том, что это за человек, Томас Бриджес. Известная нам история о нем началась в середине девятнадцатого века в английском городе Бристоль. К солидному, чопорному англиканскому священнику Джорджу Деспарду, капеллану Клифтонского союза помощи бедным Бристоля и окрестностей, привели мальчика лет девяти, найденного в день святого Томаса на небольшом мосту города Бристоль. Одетый в безупречное платье, с расписным выгравированным медальоном на шее, ребенок, похоже, был из богатой католической семьи. Ни документов, ни записок у него не было. Мальчик рассказал капеллану, почему он оказался брошенным на мосту (до нас эта история, к сожалению, не дошла), и сам захотел принять новое имя Томас Бриджес (Мосты): имя Томас – в честь Святого Томаса, фамилия Мосты определялась местом, где он был найден. Мальчика крестили в Англиканской церкви и поселили в Георгиевском работном доме Клифтонского союза, а позже, как одаренного ученика, его перевели в частную школу в дом Деспарда.

Какая семейная драма или трагедия разыгралась в самом начале сознательной жизни Томаса? Ни сам Томас Бриджес, ни его дети, ни Джордж Деспард никогда не упоминали об этом в своих воспоминаниях. Остается только догадываться, какие переживания и какую боль пронес Томас через всю свою жизнь, которая круто изменилась с того памятного дня Святого Томаса. Как мы увидим в дальнейшем, тяжелейшее потрясение, выпавшее на долю Томаса в таком нежном возрасте, не только не сломило его, тогда еще ребенка, а напротив – закалило характер и полностью определило неординарную судьбу этого человека. Всемогущее провидение заранее готовит несокрушимые характеры, безжалостно выдерживая их с детских лет в горниле самых тяжелых испытаний. Не так ли и кузнец готовит лучший клинок дамасской стали в самом жарком огне, который можно получить только с помощью специально изготовленного коксующегося угля?

– Кто это такой – капеллан?

– Капеллан – это священник при часовне (капелле) или при домашней церкви.

Его Преподобие Джордж Деспард, возглавлявший Свято-Троицкую церковь Ноттингема, становится секретарем общественной миссии Англиканской церкви в одной из областей Южной Америки. Еще через некоторое время, несмотря на многочисленные неудачи его предшественников и даже гибель некоторых из них, происходившие, как политкорректно объяснялось, в силу враждебности населения и плохой погоды, он согласился возглавить миссионерскую экспедицию Англиканской церкви и отправился в южные предполярные районы, взяв с собой жену, четырех дочек и одного сына. Томас также был включен в состав экспедиции и сопровождал миссию. Ему было тогда 13 лет.

– Что это – Англиканская церковь?

– У нас в России – Русская Православная церковь. В Англии – Англиканская, тоже христианская церковь, представляющая собой одну из ветвей протестантских церквей.

– А почему эта экспедиция называется миссионерской?

– Миссионерство – форма деятельности религиозных организаций в целях обращения иноверцев в лоно церкви. Экспедиция Деспарда была организована Англиканской церковью. Задачами экспедиции были строительство церквей и молельных домов в отдаленных местах Южной Америки, вовлечение диких индейцев в христианскую жизнь, крещение, обучение ремес-

лам, ведению сельского хозяйства, обучение английскому языку. Миссионеры должны были приучить индейцев к оседлому образу жизни.

Миссия поселилась среди диких индейцев Южной Америки. Экспедиция была сложной и опасной. Холода, снег, проливные дожди. Постоянные нападения индейцев. Гибель миссионеров от обморожений, болезней, от плохого питания, от стрел и копий туземцев. В течение четырех лет Томас вместе с экспедицией был в контакте с самыми дикими племенами индейцев на острове Адмирал Кеппел группы Мальвинских островов, посещал острова других архипелагов Южной Америки. В конце концов ему удалось подружиться с живущими там племенами, хорошо изучить их быт и языки. Много времени проводил Томас с индейцами, делил с ними их кочевую жизнь.

И вот очередная неудача миссии на острове Вулья (Уоллиа). Нападение индейцев на молящихся в церкви. Гибель всех миссионеров, прибывших на Вулья с острова Адмирал Кеппел. В живых случайно остается только один – кок, спрятавшийся в трюме корабля. Церковь и помещение миссии сожжены.

Кок возвращается на Кеппел, сообщает о случившемся. Душевные силы Деспарда на исходе. Измученный бесконечными бедами и несчастьями, Деспард с семьей решает покинуть Южную Америку и слагает с себя полномочия главы миссии. Томасу было всего 18 лет. Никто никогда не писал, что творилось тогда в душе бесстрашного юноши. Он был принят в семье Деспарда почти как родной и мог легко вместе с Его Преподобием покинуть Южную Америку. Томас понял, что наступил ключевой момент в его жизни. Он решил остаться. И взять на себя все хлопоты по управлению миссией на острове Адмирал Кеппел.

Томас и Джордж Деспард расставались. Что чувствовал каждый из них? Томас испытывал благодарность к Деспарду за участие в его судьбе. Деспарду Томас тоже был, конечно, не чужим. Оба они привязались друг к другу. Зная твердый характер юноши, Деспард не пытался уговорить Томаса покинуть вместе с ним Южную Америку.

Томас и Деспард расстались спокойно. Оба понимали, что их жизненные пути расходятся. Слишком разными были они людьми. Годы прошли. Имя Деспарда вспоминают теперь только в связи с именем Томаса Бриджеса. А имя Томаса навсегда вписано огненными буквами в историю этой земли.

Обучение индейцев образу жизни европейцев, крещение, попытки научить их огородничеству, скотоводству и ремеслам проходили очень тяжело. Многие члены миссионерских экспедиций, пришедших в Южную Америку после миссии Деспарда, гибли от голода, холода и от нападений индейцев. Лишь Томасу всегда сопутствовал успех. Многие объясняли это тем, что Томас знал языки и обычаи индейцев. Но было другое, что помогало Томасу-миссионеру, просто мужественному человеку, – сочувствие к отверженным индейским племенам, уважение и любовь к этим, столь непохожим на нас, людям. Индейцы видели это, понимали и отвечали Томасу взаимностью.

В возрасте 26 лет Томас был вызван Южно-Американским миссионерским обществом в Англию для принятия духовного сана. Томас был рукоположен в сан диакона Лондонским епископом, и там же, в епископате, он знакомится и сближается с преподобным Льюисом Доджсоном. Некоторое время Томас путешествует по Англии с чтением лекций об архипелагах южной оконечности Америки и его работе в этих краях в качестве миссионера. На церемонии награждения школьных учителей в Клеведоне близ Бристоля Томас встречает Мэри Энн Вердер, дочь плотника Стефана, с которой через три недели после знакомства венчается в приходской церкви поселка Харбертона, того, что в 15 километрах от города Тотнса.

– Объясни, пожалуйста, что такое «сан диакона»?

– Дьякон в Англиканской, так же, как и в Русской Православной, церкви, – это первая ступень, первый сан, который получает человек, вступивший на путь священства, рукоположенный в священники.

Бриджесы могли остаться в Англии. Но они решили уехать.

Это был мужественный поступок двух молодых людей: осознание Томасом долга своего священства и беззаветная преданность молодой женщины, готовой идти за мужем буквально «на край света». Мэри Энн была уже в положении, когда Томас вместе с ней снова возвращается в Южную Америку. И селится там с семьей, где точно – неизвестно. Известно, что на юге. Далеко на юге. В предполярных областях. Вот к этому отважному, благородному и небезразличному человеку и посоветовал обратиться Его Преподобие Льюис Доджсон, вручив капитану Александру рекомендательное письмо для Томаса.

Там, где кончается земля

*Потом я шел мимо уснувших хижинок
по снегу Магелланова пролива
в Пуита-Аренас, среди ревущего простора,
среди стихии воюющей и синей,
сквозь ночь последнюю земли. И вот
нашел несломленные бурей доски,
зажег фонарь сквозь резкий, дикий ветер
и окунул я руки в голубую весну
Антарктики в ее нагом величье,
и я поцеловал остывший пепел
цветов последних.*

Пабло Неруда

Настало время, и капитан Александр направил свой корабль «Быстрые паруса» на юг, туда, где кончается земля. Вот она перед ним – последняя земля, забытая богом земля, архипелаг Блуждающих Огней, или земля Дымов, где, по слухам, спрятаны несметные сокровища инков. Южнее архипелага – пролив Корсара, а дальше – суровый, покрытый многокилометровым ледяным панцирем таинственный антарктический континент, скрывающий ушедшие в прошлое великие земные цивилизации. Континент, достигнуть берегов которого и вернуться назад целыми и невредимыми удавалось лишь самым отважным и самым искусным мореплавателям. Среди них капитан Александр и его великие учителя – русские путешественники Беллинсгаузен и Лазарев. На берегах Антарктиды не живут ни люди, ни сухопутные животные. На пляжах Антарктиды, освобождающихся ото льда лишь в короткое южно-полярное лето в июле-августе, можно увидеть только водоплавающих птиц и животных – буревестников, пингинов, тюленей, моржей, морских леопардов.

А что же здесь, на последней земле? Путешественник поднимается на четырехсотметровую высоту последнего утеса. Глядит на юг. У него за спиной – весь мир людей, а впереди – лишь ледяной океан, ледяной ветер и ощущение ледяной безнадежной бездны. Где человек не может существовать ни как биологическое существо, ни как понятие, где он теряет волю,

жажду жизни, где он будто бы прикасается к будущему концу человечества, земли и мира, к будущей замерзшей вселенной, где заканчивается всё, где нет ни пространства, ни времени, а есть лишь то, что нельзя ни назвать, ни измерить человеческим разумом.

Что здесь, что на этой грозной земле, последней перед ледяной пропастью, на земле, покрытой предантарктическим лесом? Как она живет, эта земля, наполненная предчувствием ледяной бездны и конца вселенной? Кто эти люди, имевшие мужество поселиться здесь, из года в год преодолевающие ежеминутное ощущение безысходной тоски, ощущение приближающегося конца света, конца света, который, кажется, вот-вот наступит в этом покинутом богом крае? Как живут туземцы, которых называют Фуэгинами, пришедшие сюда, на острова архипелага Блуждающих Огней, 16 000 лет назад? Как они живут, осколки древних цивилизаций, выдвинутые в эти унылые края, с юга – наступлением бесконечных морозов и льдов, с севера – своими воинственными родственниками, индейцами Куэльче, индейцами Большой Ноги, большеногими великанами, жителями соседней северной страны, названной в их честь страной Большой Ноги? А может быть, они, Фуэгины, языки которых имеют много общего с языками австралийских аборигенов, пришли сюда именно из Австралии, миновав тропические леса, покрывавшие некогда древнюю Антарктиду?

Европейцы, впервые посетившие пустынные края архипелага Блуждающих Огней, были потрясены ощущением скорби и трагедии жизни, которыми веет от этих могучих, суровых пейзажей. Нет, не случайно они оставили потомкам такие географические названия, как гавань Голода, бухта Последней Надежды, гора Страданий, острова Фурий, мыс Обмана, остров Пустошь, берег Скорби, земля Запустения, бухта Бесплезная, мыс Своенравный, залив Одиночества. Каналы между островами, по которым проходили путешественники, напоминали каменные тиски, которые фантазия моряков населяла всевозможными опасностями. Их бросало в дрожь при виде проливов Мир Теней и Конец Света. Воображение поражали потусторонние пейзажи: черные конусы потухших вулканов; зелено-бурые леса, покрывающие долины между ними; сиреневые ледники, синие воды озер и фьордов со множеством оттенков и полутонов, о которых в обычной жизни даже не подозреваешь. Страна представлялась путешественнику хаотическим нагромождением диких скал, высоких гор и бесполезных лесов, и все это можно было видеть лишь сквозь туманы и бесконечные бури. Достаточно одного взгляда, чтобы понять, насколько природа архипелага отличается от всего, что они когда-либо видели раньше. Удручающая атмосфера, свойственная пустынной местности, навеивает настроение, которое невозможно ни воссоздать, ни прочувствовать.

Климат последней земли – предполярный океанический с коротким прохладным летом и долгой, влажной, умеренной зимой. Температура летом – не более десяти градусов, зимой – около нуля. Летом – частые дожди, возможны снегопады. Погода изменчивая: ветры, дожди. То моросит холодный дождь, то ни облачка. Неизменно порывистый ветер. Влажный прохладный климат, сырой, холодный воздух этих лесов способствовали сохранению древних ледников, спускающихся до самого моря.

Вечнозеленый предантарктический лес имеет очень немного видов деревьев и растений. Коричневое дерево (чилийский бук нотофагус). Южноамериканская магнолия, кора которой, «Магелланова корица», используется для медицинских целей. Чилийская вишня. Из цветов – желтые фиалки, гвоздики, фуксии, белые и зеленые орхидеи, бессмертники, лютики и маргаритки. Из кустов – древесные вероники, барбарис, смородина. Деревья имеют листву особенного буровато-зеленого цвета с желтым оттенком. Весь ландшафт, окрашенный в этот цвет, выглядит мрачно и уныло, тем более что его не часто оживляют лучи солнца.

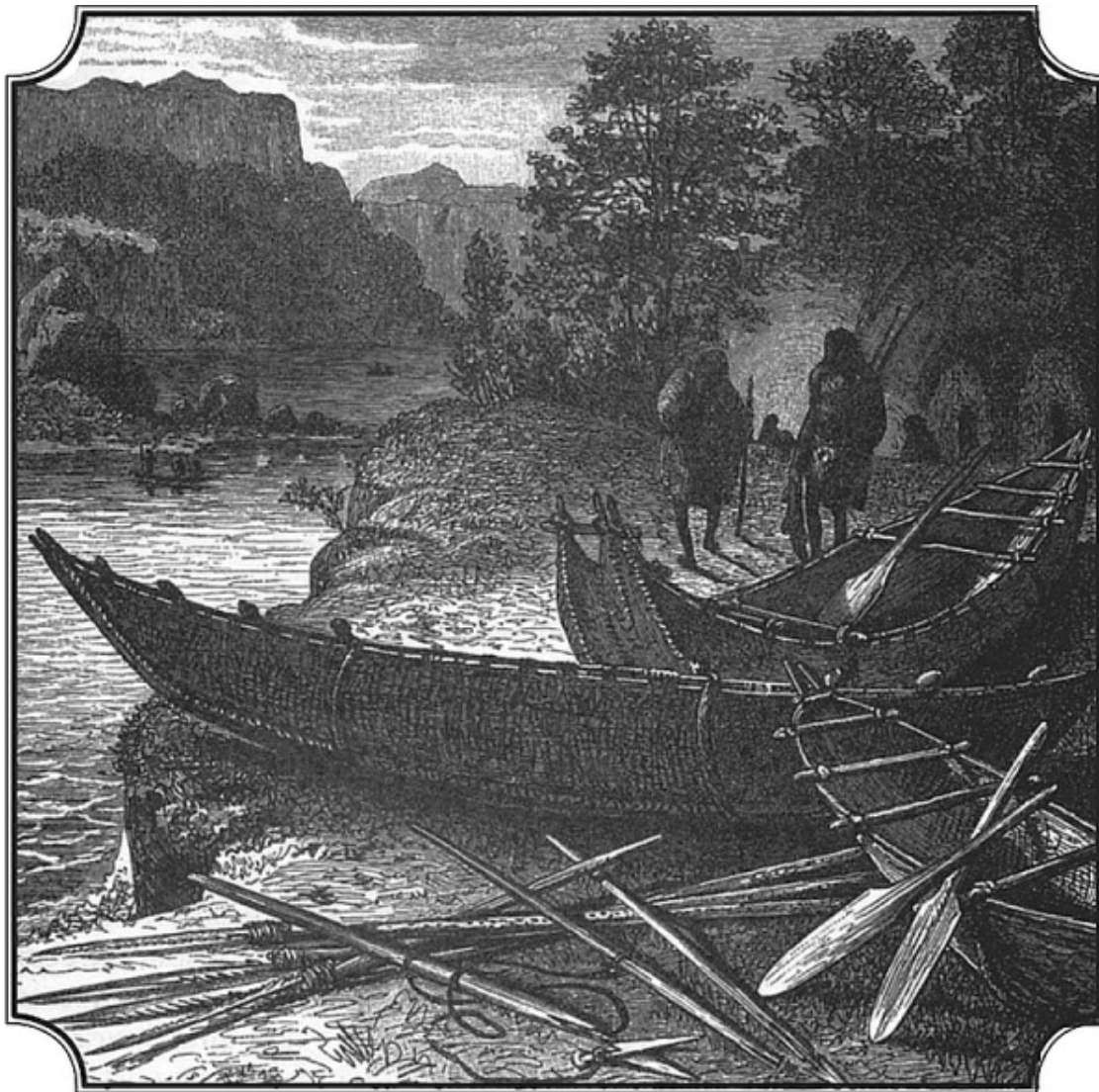
В открытых местах можно встретить деформированные от постоянно дующих ветров деревья-флаги с ветвями, горизонтально вытянутыми в одном направлении, ветвями, напоминающими длинные волосы женщины, идущей против ветра.

На западе и на юге этой земли расположились горы, леса, ледники, проливы, острова и фиорды.

На севере и на востоке – холмы, степи, луга, кустарники, торфяные болота и вересковые пустоши. Естественно, индейцы, жившие среди проливов и фиордов, заняты рыбной ловлей и охотой на морского зверя. Индейцы же, обитавшие среди степей и кустарников, охотились на наземных животных и птиц. И те, и другие были кочевниками, жили семьями и перемещались с места на место в поисках пищи. Индейцы архипелага Блуждающих Огней, Фуэгины, имели приветливый, дружелюбный характер. С севера в места их обитания вторгались иногда воинственные Куэльче, которым Фуэгины, в силу своей раздробленности, не могли оказывать достойного сопротивления.

Индейцы Фуэгины

Кто хорошо сжился с бедностью, тот богат.
Сенека

Здесь уместно рассказать о племенах Фуэгинов, живших на островах последней земли. Этим племен было четыре, отношения между ними были, в основном, мирными и добрососедскими.

В центре архипелага жил один из самых древних народов Америки – индейцы Селькам, что означало «Мы – люди». Онас или Она, «Люди» или «Северный ветер», называли их соседи. Темно-коричневая кожа с медно-красным отливом, волосы жесткие, иссиня-черные, прямые, рост высокий, плечи широкие. Она – мускулисты, хорошо сложены. Их женщины – ниже и полнее. Язык – гортанный. Говорят Онас жестко и твердо. Лица – широкие, с выдающимися скулами, такие же, как у других индейцев Фуэгинов. Вооружены полутораметровыми луками с тетивой из кожаных ремней и стрелами с каменными наконечниками, изготовлять которые умели только Онас, одни из всех Фуэгинов.

Плащ из шкуры гуанако, дикой ламы, стадами кочующей в пампасах архипелага Блуждающих Огней, и набедренная повязка – вот и вся их одежда, едва прикрывавшая тело. У муж-

чин плащ закреплялся под правой рукой, у женщин – шуба или плащ завязывались на груди. Женщины надевали на шею треугольное кожаное украшение кочил. Ноги Она оборачивали кусками шкур – хамни.

Она были охотниками. Питались мясом гуанако, грызунов, птиц. Употребляли в пищу моллюсков, невкусные приполярные ягоды, ярко-желтые высушенные древесные грибы, напоминающие по вкусу трюфели. Из грибов варили хмельную похлебку. На охоту ходили без одежды при температуре до -12° . Использовали дрессированных собак для погони за гуанако и ловли выдр.

Индейцы ставили хижины (вигвамы) конической формы, накрывали их мехом гуанако. Внутри, в центре, постоянно поддерживался огонь. Отверстие для отвода дыма располагали с подветренной стороны. Пол покрывали травой. При смене места охоты хижины переносились. При кратковременных стоянках вместо хижин ставился заслон, чтобы укрыться от ветра.

На юго-востоке земли Блуждающих Огней жили кочевники Манекенки, другое название этого племени Хасш, или Ауш, также охотники на животных, вооруженные острогой, луком и стрелами.

Наиболее известным племенем были индейцы Ямана (Яга-Мага) – «живущие люди», «живой» или «человек». Еще «Ямана» означает: жить, быть счастливым, выздороветь после болезни или быть в своем уме. Европейцы называли их Ягана. Ямана жили западнее и южнее Она. Они постоянно кочевали на лодках в поисках морского зверя и рыбы. Невысокого роста, чуть более полутора метров, они были сильными, кряжистыми, с широкой грудной клеткой, мощными руками, но имели слабые тонкие ноги, согнутые от постоянного пребывания в лодке.

Язык Яманов мягкий, благозвучный, богат тонами и полутонами.

Яманы имели на вооружении луки со стрелами, каменные наконечники которых выменивали у Она. Но основным их оружием был трехметровый гарпун, к концу которого ремнями из кожи прикручивалась китовая или тюленья кость.

Одеждой Яманам служили накидки тувеаки из шкуры морского льва или выдры, которые практически не закрывали тела. Женщины носили короткий передник (повязку) масакана. Чтобы не мерзнуть, спали у огня. В лодке всегда был настил из камней и глины, на котором постоянно поддерживался огонь. Яманы обходились без одежды летом и зимой. Это связано с тем, что индейцы имели очень плотный слой подкожного жира и у них выработался механизм замедления обмена веществ. Кроме того, для сохранения тепла Яманы натирали кожу жиром морских котиков.

В качестве украшения Яманы носили головные уборы из перьев баклана. Знахарям (ёкамунь) разрешалось делать головной убор из перьев цапли. Яманы носили на запястьях и лодыжках ног браслеты, сделанные из кожи тюленя и гуанако. Браслеты украшались ремешками, раковинами и костями птиц, шнурками из сухожилий гуанако. Челюсть дельфина использовали в качестве гребня.

Яманы были морскими охотниками и рыболовами. Они охотились на морских львов, морских котиков, пингвинов, иногда на кита (если могли с ним справиться), на птицу. Ловили рыбу удочкой с леской из растительного волокна, водорослей или сухожилий, с петлей на конце, на которой закреплялась приманка. Этой петлей и выдергивалась мелкая рыбешка, пришедшая на приманку. Питались моллюсками, губчатыми наростами на деревьях (древесными грибами), лесными ягодами, кореньями. При охоте на тюленя и выдру использовали дрессированных собак.

Женщины гребли на каноэ, в котором размещалась вся семья, а мужчины держали на носу сетку для ловли рыбы. Дети отвечали за огонь, женщины – за пропитание семьи. Они ловили удочкой рыбу, собирали моллюсков, морских ежей и ракообразных, с привычным мужеством ныряли в ледяную воду в любую погоду, в том числе во время ливня и снегопада.

Когда им улыбалась удача, они поднимали со дна огромного королевского краба до двух килограммов весом и с клешней, достигающей одного метра.

Варить пищу они не умели, но всегда готовили ее на огне: сало топили на горячих углях, моллюсков – в горячей золе, рыбу – в раковинах, мясо жарили на раскаленных камнях, жир запекали в кишках животных.

Кочевники, питающиеся в основном моллюсками, вынуждены были постоянно покидать насиженные места, но потом снова и снова к ним возвращаться. За столетия странствий в местах их привычных стоянок образовались горы раковин, достигавших, должно быть, многих тонн весом. Такие кучи легко разглядеть издали по ярко-зеленой окраске растений, буйно поднимавшихся на этих рукотворных холмах. Среди диких зарослей встречались иногда очень полезные растения – дикий сельдерей и ложечник (цинготная трава). Индейцы часто использовали холмы как места захоронений и места проведения ритуалов. В наше время горы раковин называют памятниками «кухонной» цивилизации.

Восточные Яманы одевались, как Она. Их хижины, так же, как у Она, имели два входа – с леса и с берега. Когда Яманы покидали насиженное место, они оставляли на берегу остов хижины, который мог быть использован другими кочевниками.

Западные Яманы имели хижины поменьше и накрывали их сеном летом и шкурами тюленей – зимой. Уходя, складывали хижины и забирали с собой.

Яманы были превосходными ремесленниками. Они изготавливали инструмент, посуду, лассо, луки, стрелы, ловушки. Женщины плели сети для ловли рыбы и корзины из водорослей и травы. Посуда изготавливалась из раковин, ведра – из коры и кожи. Гончарное искусство индейцам было неизвестно. Огонь добывался высеканием искры ударом пирита о кремень. Чтобы сохранить его в дождливую погоду, в жилищах и в лодках постоянно поддерживался костер.

Надо рассказать также о кочевниках на каноэ, Алкалуф (алакалуф), живущих на юге и западе архипелага Блуждающих Огней в самых неприветливых и неудобных для проживания местах, среди гор, ледников и фьордов. Себя они называли Халаквулум. Жили в лодках и естественных укрытиях – в пещерах, под навесами. Очень похожи на западных Яманов, но более мелкие, тщедушные. Казалось, что природа отдыхала, когда создавались Алкалуфы.

Язык Алкалуфов похож по звучанию на язык Она, но абсолютно другой. Языки всех племен очень отличались друг от друга, что затрудняло их контакты и приводило к изоляции.

Алкалуфы были искусны в использовании гарпуна, пращи; луком пользовались крайне редко.

Яманы изготавливали каноэ на 5–7 человек из коры бука, сшитой китовым усом. Алкалуфы делали разборную лодку на 12 человек из досок и китового уса. Иногда ставили на лодки (далькасы) паруса из тюленей шкуры.

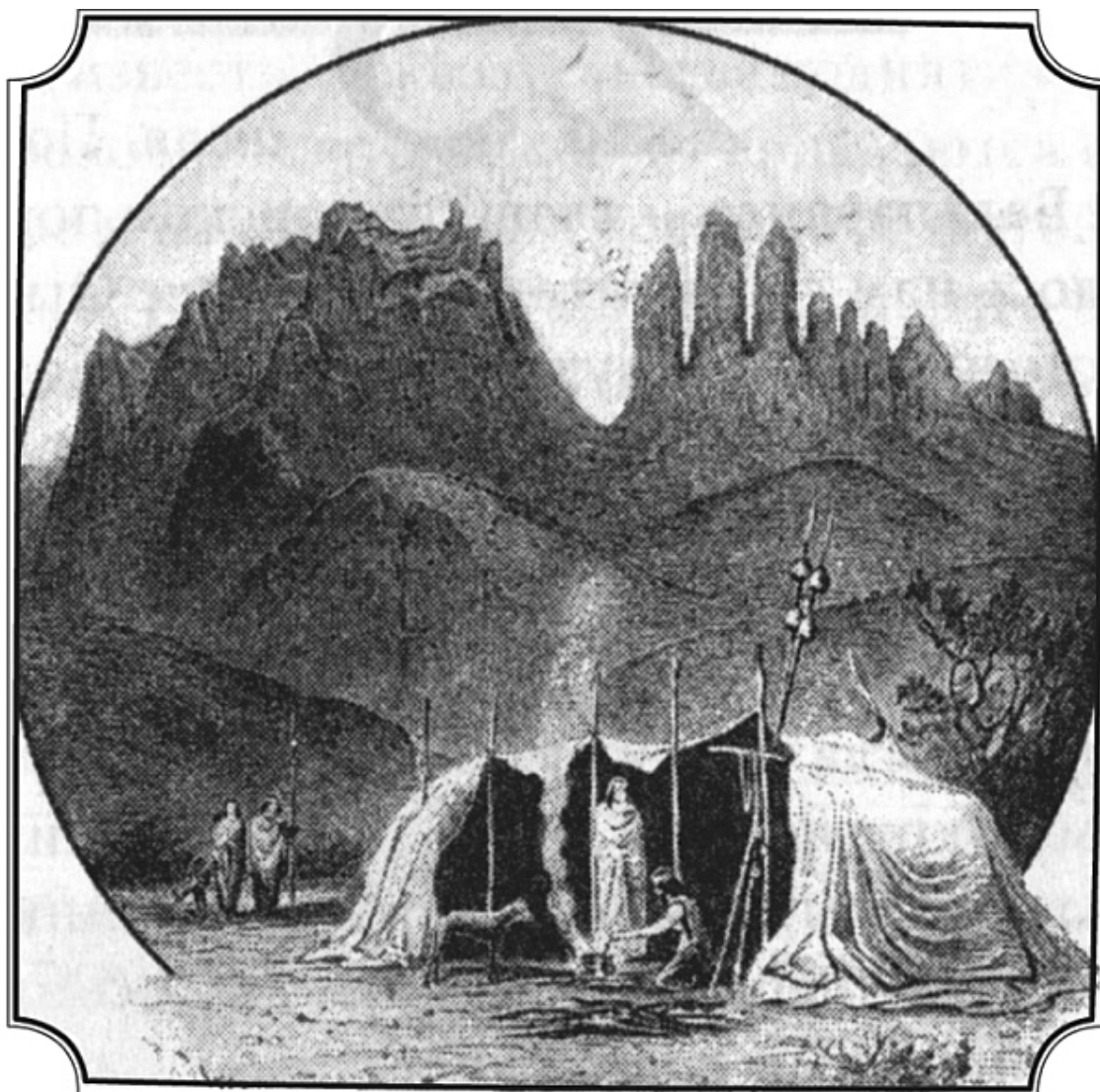
Индейцы не знали ни живописи, ни скульптуры, ни музыкальных инструментов. Часто пели, но в песнях не было смысла. Танцы напоминали притопывания, и участвовали в них только мужчины.

Индейцы покрывали лицо красками, замешанными на тюленьем жире. Красная краска, изготовленная на основе охры, обозначала дружбу, радость. Белая, на основе глины, – войну. Черная, на основе золы, – траур.

Вот такие люди жили в этих богом забытых местах. Острова архипелага Блуждающих Огней никому не принадлежали. Ни один флаг еще не поднимался на его землях. Севернее простирались горы и бескрайние пампасы богатого края Большой Ноги. За этот край боролись два государства: Серебряная страна и страна Холодного Предела. Архипелаг Блуждающих Огней никого не интересовал. Корабли под европейскими и американскими флагами, китобои, зверобои, путешественники редко заходили сюда. Индейцы не часто видели белого человека, не знали ни лошадей, ни железа, ни огнестрельного оружия и совсем не знали ни английского, ни испанского, ни португальского, ни, тем более, русского языка. Как узнать от этих

людей, где сохранились еще следы великих инков и атлантов? Смогут ли они помочь в поисках Томаса Бриджеса? Капитан твердо решил найти какой-нибудь поселок переселенцев из Америки или Европы, китобойную станцию или военную экспедицию Серебряной Страны или страны Холодного Предела.

Встречи С Фуэгинами

Корабль «Быстрые паруса» подошел к островам с востока и, обогнув их первые мысы, двинулся узкими проливами вглубь архипелага. Сквозь туман, казалось, полностью сливающийся с низко нависшими облаками, виднелись очертания суровых негостеприимных островов. Сопровождая корабль, на прибрежных скалах, справа и слева, двигались и пропадали огни, Блуждающие Огни, которые дали имя всему архипелагу. Это туземцы карабкались по отвесным берегам с факелами, бежали, возбужденные необычным для них зрелищем, наблюдали за кораблем и сообщали друг другу о его движении. Дул свежий ветер, и с гор на путешественников неслись сильные шквалы. К вечеру корабль нашел убежище в бухте Доброго Успеха; здесь он бросил якорь и смог укрыться от непогоды. Бухта представляла собой живописное водное пространство, наполовину окруженное низкими, округленными горами, покрытыми до самой воды густым мрачным лесом.

Фуэгины приветствовали путешественников таким образом, каким и подобает действовать в подобных ситуациях диким жителям дикой страны. Группы туземцев, отчасти скрытые дремучим лесом, сидели на утесах, нависавших над морем, и когда корабль проплывал мимо, они вскакивали, срывали свои рваные плащи, совершенно обнажаясь при этом, размахивали

плащами и испускали громкие зычные крики. Перед самым наступлением темноты путешественники увидели их костры, зажженные вокруг бухты, и воздух вновь наполнился дикими криками туземцев.

Утром капитан Александр, взяв с собой отряд моряков, направил шлюпку к берегу, чтобы познакомиться с Фуэгинами. Туземцы бежали навстречу и отчаянно кричали, указывая, где легче высадиться. Фуэгины были встревожены, они непрерывно о чем-то говорили и чрезвычайно быстро жестикулировали. Что это было за странное зрелище! Как велика была разница между дикарем и цивилизованным человеком: они отличались друг от друга больше, чем отличаются друг от друга дикие и домашние животные. Переговоры вел глава семейства, рядом стояли рослые, сильные молодые люди. Женщины и дети наблюдали, спрятавшись в кустах. Эти Фуэгины были совершенно не похожи на тщедушное и жалкое племя индейцев, живущих на западе архипелага, о которых немного уже рассказывалось. Они ближе к знаменитым великанам, индейцам Большой Ноги, обитающим севернее архипелага Блуждающих Огней. Единственную одежду Фуэгинов, встречавших путешественников, составляли плащи из гуанако, которые оставляли их медно-красные тела столь же обнаженными, сколь и прикрытыми.

У главного из них вокруг головы была повязка из белых перьев, отчасти удерживающая его черные, грубые и спутанные волосы. Лицо пересекали две широкие поперечные полосы, нанесенные ярко-красной и белой, как мел, красками. Остальные Фуэгины были разукрашены полосками черной пудры, приготовленной из древесного угля.

«Своей грязной раскраской, униженной позой и недоверчивым, изумленно-испуганным выражением лица они напоминали чертей, только что выскочивших из табакерки»⁵.

Капитан Александр и его спутники раздавали индейцам украшения, отрезки яркой ткани. Индейцы были очень довольны. В знак признательности они похлопывали членов команды сильными шлепками – по груди и по спине одновременно. При этом они издавали какие-то кудахтающие звуки, вроде тех, что издают при кормлении цыплят. Их речь состояла из большого количества хриплых, гортанных и шелкающих звуков, немного напоминающих те, которые издает человек, прочищающий горло.⁶

Хотя Фуэгины и редко встречались с европейцами, они знали об огнестрельном оружии и боялись приближаться к нему, тем более трогать. Индейцы просили дать им ножи, называя их испанским словом «кучилья», и поясняли, чего хотят, показывая, будто держат во рту кусок ворвани⁷ и желают не рвать его, а резать.

Глава семьи был чрезвычайно обрадован, когда моряки обратили внимание на его рост. Его поставили спина к спине с самым рослым из экипажа шлюпки, и индеец всячески старался забраться на самое высокое место и привстать на цыпочки. Он раскрывал рот, чтобы показать свои зубы, поворачивал голову, показывая себя в профиль, и проделывал это с такой готовностью, что всем было ясно: он считал себя первым красавцем на островах Блуждающих Огней.

Туземцы и моряки очень хотели понять друг друга. У дикарей была, по-видимому, необыкновенно развита способность подражания. Они могли совершенно правильно повторять каждое слово в любой фразе, с которой к ним обращались. И некоторое время помнили эти слова. Стоило кому-то из моряков кашлянуть, зевнуть или сделать какое-то необычное движение, как они немедленно все повторяли. Когда моряки затянули песню, Фуэгины повторяли вслед за ними, правда, с некоторым опозданием.

---

⁵ Ч. Дарвин. «Путешествие вокруг света на корабле „Бигль“».

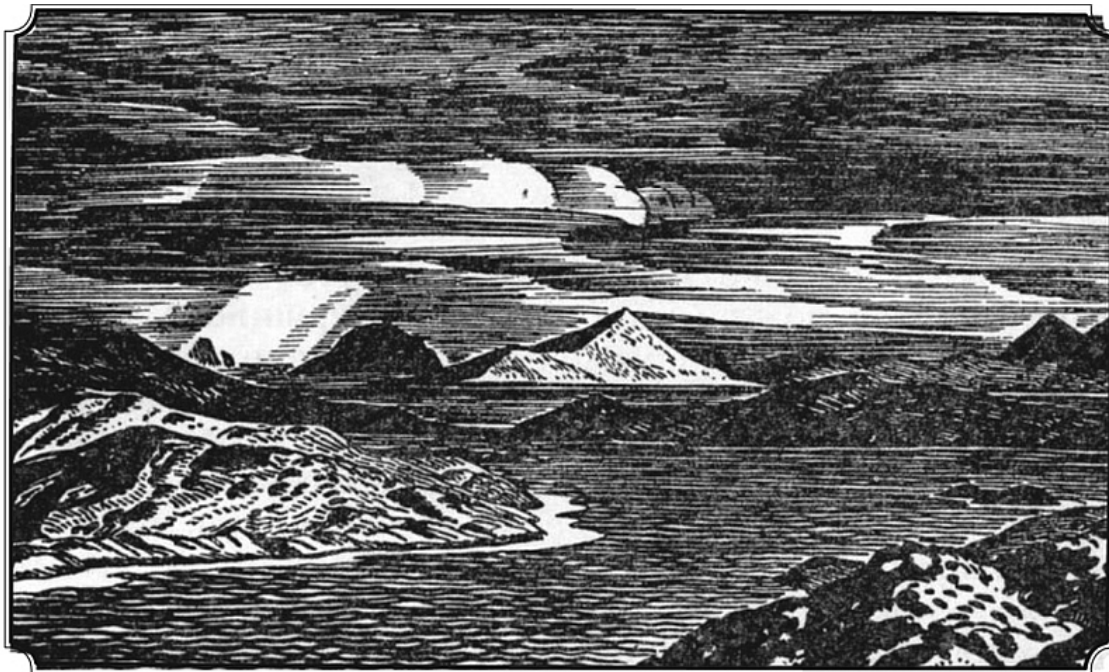
⁶ Язык Фуэгинов принадлежит к звуковой группе Чен, непривычной своим звуковым составом английскому, испанскому или русскому слуху.

⁷ Обрезок китового жира.

Несмотря на доброжелательность индейцев, замешанную на необычной смеси изумления и подражания, беседа с ними не получалась. Никто из моряков, даже капитан Александр, не знал языков Фуэгинов, а туземцы не знали европейских языков.

Надо было двигаться дальше. Перед отъездом капитан Александр решил прогуляться по острову, попытаться проникнуть вглубь страны.

Земля Блуждающих Огней

Землю Блуждающих Огней можно представить себе как гористую страну, которая частично погрузилась в море, отчего глубокие заливы и бухты заняли те места, где должны находиться долины. Горы от самой воды сплошь покрыты лесом. Деревья доходят по склону до пятисотметровой высоты, где сменяются вересковой пустошью, полосой торфяника с очень мелкими альпийскими растениями. Дальше, на высоте более тысячи метров, – пояс вечных снегов. В любой части страны кусочек ровной земли – большая редкость. Любая поверхность здесь покрыта толстым слоем топкого торфа. Даже в лесу не видно почвы из-под массы медленно гниющих остатков растений, пропитанных водой и потому проваливающихся под ногой. Капитан Александр и сопровождающая его группа продвигались вдоль неровных каменистых берегов по течению горного потока. С большим трудом пробирались вперед из-за преграждавших им путь водопадов и множества поваленных деревьев, до тех пор пока русло потока не раскрылось и путешественники не были щедро вознаграждены величием развернувшейся перед ними картины. Мрачная глубина ущелья вполне гармонировала с заметными повсюду следами потрясений. Везде лежали неправильной формы каменные глыбы и поваленные деревья. Другие деревья, хотя еще и держались прямо, но уже сгнили до самой сердцевины и готовы были упасть. Эта перепутанная масса полных жизни и погибших растений напоминала тропические леса с одним отличием: в этих тихих дебрях господствовал, видимо, не дух Жизни, а безмолвный дух Смерти.

На побережье, которое совсем недавно покинули путешественники, бушевали сильные ветры, а здесь, в глубокой лощине, не было ни малейшего ветерка. Не шевелились листья даже на самых высоких деревьях. Вокруг до того мрачно, холодно и сыро, что здесь не могут расти ни грибы, ни мхи, ни папоротники. Ущелье забаррикадировано большими гниющими стволами, валяющимися повсюду. Перебираясь через естественные преграды, путешественники застревали, проваливались по колено в труху. Иной раз, пробуя опереться на крепкое с виду дерево, они неожиданно обнаруживали, что это – масса прогнившего вещества, готового развалиться при малейшем прикосновении.

Наконец, путники вышли на тропинку, протоптанную гуанако, которые, как овцы, всегда идут по одному и тому же пути. Чем выше они поднимались по лесу, тем более низкорослыми, толстыми и сгорбленными становились деревья из-за постоянно дующих резких ветров. Их согнутые стволы и ветви были распластаны, словно дым, словно придавленное ветром ползучее пламя.

Потрудившись еще немного, путешественники добрались до торфяника, а затем и до обнаженной сланцевой породы. С вершины холма они обнаружили, что воды по его склонам текут к морю в разных направлениях. Перед ними широко открывалась окрестная местность: к северу простиралось топкое болото, зато к югу поднимался дикий величественный пейзаж, подобающий земле Блуждающих Огней. Путники застыли в изумлении, пораженные таинственным величием представшей перед ними картины: гора возвышалась за горой, вершина – за вершиной. Казалось, не будет конца этому нагромождению скалистых гор, прорезанных глубокими долинами. И все покрывал густой, темный лесной массив. Даже воздух в этом климате, где штормы с дождем, градом и мокрым снегом сменяют друг друга, казался темнее, чем повсюду в других местах. Отдалённые каналы с отвесными берегами, сетью бесчисленных ответвлений, отделяющих друг от друга острова и островки архипелага, кажутся мрачными, такими мрачными, будто ведут за пределы этого мира.

Мыс Каап Хоорн

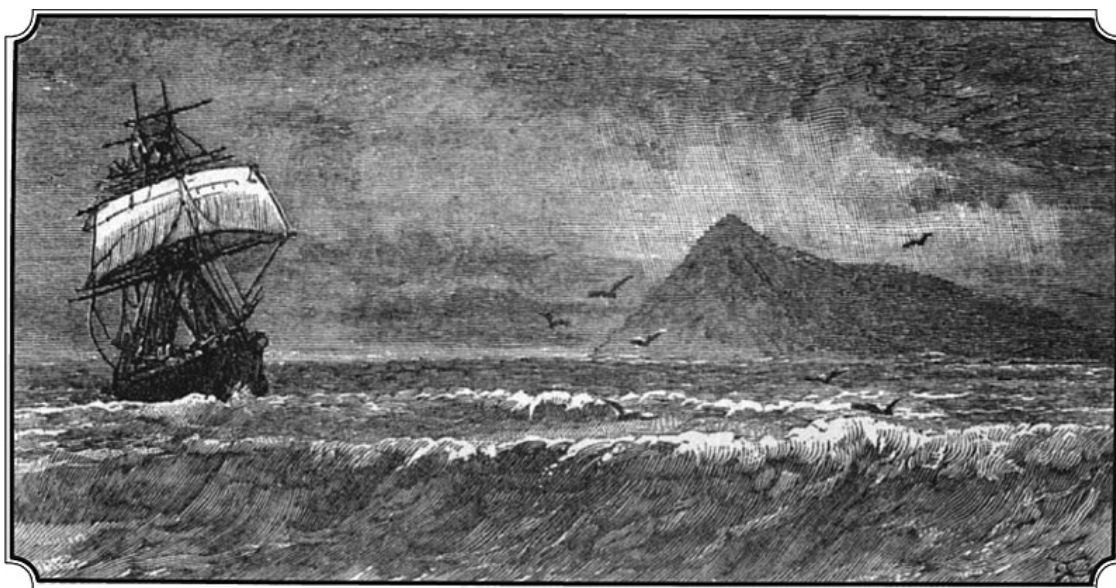
*В океане надо иметь смелую душу и чистую совесть.
К. Станюкович*

*Смешались в хаосе вода, земля и небо,
И все стихии, страшно гром гремит.
Все бешеной неистовствует буря,
И море пенится, и бурные валы
Вздвигаются с угрозой к небесам.*

Тассони

*Мыс Горн нам своею пучиной грозит,
На дне океана готовит местечко,
Ну что же, там смелых немало лежит,
Поверьте, нас встретят тепло и сердечно.*

Веселая песня моряков

Корабль «Быстрые паруса» покинул бухту Доброго Успеха. Капитан Александр решил обогнуть архипелаг с юга, дойти до края земли, прежде чем погрузиться в сеть бесчисленных разветвлений каналов архипелага. Он решил достигнуть последнего южного утеса, мыса Каап Хоорн острова Хоорн (рог), названного так открывшими его голландскими путешественниками Я. Лемером и В. Схаутеном по имени их родного города и одного из кораблей экспедиции.

Скалистым утесом Каап Хоорн, о который разбиваются волны двух океанов, Атлантического и Тихого, заканчивается самая далекая суша, освоенная первобытным человеком при его расселении по Земле.

Мыс Каап Хоорн, печально знаменитый своими кораблекрушениями, – одна из тех точек на карте, которые в эпоху Великих географических открытий становились заветной целью для

первопроходцев, напоминанием о вечном стремлении человека расширить представления о пределах ойкумены⁸.

Ширина пролива Корсара от мыса последней земли до Антарктиды – восемьсот километров. Этот пролив известен тем, что стал кладбищем для нескольких сотен кораблей. Солнце светит лишь пару дней в году, а в остальное время туман и шквалистые ветры затрудняют мореплавание.

Воды этого пролива считаются одними из самых суровых в мире. Ветер здесь постоянно дует с запада на восток вокруг земного шара. Его движение практически нигде не преграждают участки суши, и ветер дует со страшной силой. Поэтому параллели эти называются яростными пятидесятыми, и соседствуют они с ревущими сороковыми.

Среди моряков бытует поговорка: только тот может считать себя настоящим моряком, кто обогнул последний утес, мыс Каап Хоорн. Вот почему капитан Александр твердо решил посетить остров Хоорн и мыс Каап Хоорн, расположенные на юге архипелага Блуждающих Огней, – места, несравненные по красоте пейзажей, не тронутых человеком.

Огибая мыс последней земли, недолго моряки наслаждались прекрасным видом окрестных островов. Жестокий Каап Хоорн требовал своей дани. Перед наступлением ночи неистовый Борей послал с запада самую злобную стаю псов навстречу путешественникам. Среди свиста и рева налетающих порывов ветра путешественники увидели этот мыс в его настоящем виде: Каап Хоорн был окутан дымкой и рваными облаками, а вокруг его смутных очертаний бушевала буря и кипела вода.

Большие черные тучи, клубясь, проносились по небу, а шквалы дождя с градом налетали так неистово, что капитан решил укрыть судно в бухте Вигвамов. Но зайти в пролив было очень непросто. Шторм усиливался. Жестокий шквал заставил моряков убрать часть парусов.

Прибой с оглушительным грохотом разбивался о берег, и брызги летали над утесами, достигавшими семидесяти метров. Чрезвычайно неприятно было слышать, как Штурман, выдавая свое беспокойство, постоянно говорил матросам: «Смотри хорошенько подветренную сторону». Буря бушевала со всей яростью; видимость была ограничена сплошной завесой брызг, поднимавшихся ветром. Море имело зловещий вид – точно мрачная волнующаяся равнина с пятнами наметанного снега.

В то время как корабль выбивался из сил, альбатрос, распутив крылья, скользил против ветра. В конце дня на «Быстрые паруса» обрушилась огромная волна и залила один из вельботов, который пришлось тотчас отрезать. Даже такой крепкий корабль, как «Быстрые паруса», задрожал от удара и несколько минут не слушался руля, но вскоре, как и подобает такому хорошему кораблю, выпрямился и снова встал на нужный курс. Не один день продолжалось сражение с ветром и непогодой. Моряки тщетно старались продвинуться ближе к берегу. Люди падали от усталости. В течение этих нескольких суток у них не было ни одной сухой вещи, которую можно было бы надеть. Наконец, корабль обогнул остров Хоорн.

Когда корабль «Быстрые паруса» бросил якоря в уютной бухточке, о буре, продолжавшей бушевать вокруг, за пределами бухты, напоминали только время от времени неожиданные порывы ветра, от которых корабль качало на якорях.

---

⁸ Ойкумена – термин, употребляемый для обозначения населенной человеком части земли.

Бухты и проливы архипелага Блуждающих Огней

Как восхитительна была тихая ночь после столь долгого пребывания среди грохота враждебных стихий.

Бухта, окруженная зеленокаменными коническими холмами, получила название бухты Вигвамов – от стоявших здесь нескольких жилищ Фуэгинов. Впрочем, с равным основанием можно было бы так назвать любую бухту по соседству. Вигвамы по форме похожи на копну сена. Сооружение такого вигвама не займет и часу, да и пользуются им всего несколько дней. Рядом с поселком путешественники наблюдали ярко-зеленые от проросших растений кучи старых раковин. В ожидании изменения погоды корабль простоял несколько дней. Путешественники оценили в полной мере, насколько плохой здесь климат: была середина южно-полярного лета, и все-таки на холмах ежедневно падал снег, а в долинах шел дождь со снегом. Термометр большей частью показывал около 7° , а по ночам температура падала до $3,5-4,5^{\circ}$. Вследствие постоянной сырости и непогоды, без единого проблеска солнца, климат мог бы показаться даже хуже, чем он есть на самом деле.

Попытки получить хоть какие-то сведения о европейских или американских поселениях, китобоях, путешественниках, миссионерах, так же, как и раньше, не дали результата. В связи с трудностями маневрирования корабля в узких проливах архипелага в условиях порывистого ветра, капитан принял решение двигаться дальше на шлюпках. Ранним утром три вельбота и один ялик с группой из двадцати восьми человек пустились в путь под руководством капитана Александра. После полудня, продвигаясь к берегу по одному из проливов, «флотилия» повстречалась с челноком, в котором находилось несколько Фуэгинов. Это были самые жал-

кие и убогие создания, каких только можно себе представить. В восточной части архипелага туземцы одеваются в плащи из шкур гуанако, в западной части – в тюленьи шкуры. Здесь же, у племен, живущих посередине, мужчины носят выдровую шкуру или какой-то маленький лоскуток с носовой платок, недостаточный даже, чтобы закрыть спину до поясницы. Эта накладка, стянутая тесемками, передвигается из стороны в сторону в зависимости от того, откуда дует ветер. Те Фуэгины, которых встретили наши путешественники в челноке, были совершенно нагими – и дети, и мужчины, и женщины. Шел сильный дождь, и по их телам струилась дождевая вода, смешиваясь с брызгами, срывающимися с вершин волн.

Когда путешественники разбились на берегу лагерь, к ним подошла женщина, кормившая грудью новорожденного ребенка, и оставалась на месте просто из любопытства, в то время как мокрый снег падал и таял на её обнажённой груди и на теле её голого младенца. Эти жалкие бедняги были каким-то недоростками, их безобразные лица были вымазаны белой краской, кожа грязная и засаленная, волосы спутаны, голоса неблагозвучны, а жесты порывисты. Глядя на таких людей, едва можно поверить, что это – наши близкие, живущие в одном мире с нами.

Ночью эти люди, голые и едва защищенные от ветра и дождя здешнего бурного климата, спят по пять-шесть часов на сырой земле, свернувшись подобно животным. Как только наступит отлив, зимой ли, летом, ночью ли, днем, они должны подниматься, чтобы набрать на камнях моллюсков. Женщины же либо ныряют за морскими ежами, либо терпеливо сидят в своих челноках и волосяными удочками время от времени резким движением вытаскивают мелкую рыбу. Если убьют тюленя или найдут в море гниющий труп кита – это уже праздник. К своей жалкой пище индейцы присоединяют еще немногочисленные безвкусные ягоды и грибы. Они часто страдают от голода во время непрерывных штормов, которые не позволяют им выходить на своих челноках в море за тюленьями, а индейским женщинам – собирать моллюсков на камнях. Тогда несколько мужчин уходят в известные им места, расположенные иногда очень далеко, туда, где в песке закопаны останки погибшего кита. Возвращаются они к родным через несколько дней, неся каждый по большому прямоугольному куску вонючей китовой ворвани, просунув голову через дыру в середине куска, подобно тому, как в Серебряной стране носят пончо (плащи). Старший в семье режет ворвань на тонкие ломтики, жарит их и в полной тишине раздаёт голодному племени.

Глядя на этих дикарей, невольно спрашиваешь себя: откуда они пришли? Что могло их привлечь? Что заставило целое племя людей покинуть прекрасные северные области, спуститься вдоль Кордильер, изобрести и построить челноки, не употребляемыми племенами Южной Америки, и, наконец, вступить в одну из самых негостеприимных стран на земном шаре? Природа, сделав привычку всемогущей, а результаты её действия наследственными, приспособила Фуэгина к климату и естественным плодам его скудной родины.

Нет, нельзя говорить, что путешествие дарило морякам одни только неприятные впечатления. Корабль «Быстрые паруса» и капитан Александр могли в полной мере оценить не только жестокий нрав, но и чарующую красоту этого края Дымов. Когда маленький флот шлюпок находил уютную бухточку, скрытую окружающими островами, и моряки разбивали палатки и разводили костры, – ничего отраднее этого зрелища нельзя было себе представить. Зеркальная вода бухты с нависшими над скалистым берегом ветвями деревьев, пышные бромелии с тяжелыми гроздьями сладких плодов, неизвестно как попавшие сюда с теплого севера, заросли лавра, коричневого дерева и душистого мирта, шлюпки на якорях, палатки, поддерживаемые скрещенными веслами, дымок над лесистой долиной. Картина тихого уединения нужна иногда отважным сердцам суровых моряков, прошедших закалку во всевозможных морских испытаниях, которые в обилии предоставляют смелым мореплавателям океаны нашей Земли.

При движении шлюпок по каналам в тех частях архипелага, где есть хоть какое-то население, на возвышениях берегов часто вспыхивали огни, как бы в оправдание названия архипелага Блуждающих Огней. Огни зажигались Фуэгинами как для привлечения внимания путеше-

ственников, так и для распространения повсюду вести об их появлении. Некоторые туземцы, которые, возможно, никогда не видели белого человека, бежали вдоль берега километры за километрами. Время от времени несколько человек, совершенно голых, с длинными волосами, падающими им на лица, появлялись на краю нависшего утеса и, размахивая над головой палками и подпрыгивая, испускали самые отвратительные вопли. Бежали они с такой скоростью, что временами у них шла носом кровь. Они кричали так громко и говорили так быстро, что рты их покрывались пеной. Тела, как у передравшихся бесноватых, были вымазаны черной, белой и красной краской. Все их общение с моряками состояло из беспрестанного повторения одного только слова. Стар и млад, мужчины и женщины не переставали повторять «яммершунер», что означало «дай мне». Указав почти на все вещи, одну за другой, даже на пуговицы на одежде моряков, и повторив свое любимое слово со всевозможными интонациями, они употребляли его уже без определенного смысла и продолжали твердить свое «яммершунер».

Иногда небольшие семьи Фуэгинов, жившие рядом с местом стоянки моряков, присоединялись к морякам корабля «Быстрых парусов» и располагались вокруг пылающего костра. Моряки были плотно одеты, сидели близко к огню, но им было далеко не тепло. А между тем полуголые дикари, сидящие поодаль, к изумлению путешественников, обливались потом, который ручьями стекал по их лицам. Туземцы выглядели очень довольными и забавно пытались присоединиться к хоровому пению матросов.

Моряки вынесли из этой поездки много новых впечатлений, но ни на йоту не приблизились к цели своего плавания. Капитан Александр повернул «флотилию» обратно к кораблю. Вернувшись в бухту Вигвамов, на корабль «Быстрые паруса», Александр пребывал в раздумьях. Что предпринять дальше? Ему не хотелось возвращаться ни с чем, так и не выполнив просьбу Дола и Зюла.

Джимми Пуговка

Однажды вечером к стоявшему на рейде кораблю тихо подошло каноэ, управляемое невысоким, немолодым уже индейцем. Ему разрешили подняться на борт, и он, ни слова не говоря, отвернувшись, стал торопливо стирать белую краску со своего лица.

– Что ты делаешь, друг мой? – спросил его капитан Александр.

Индеец сконфуженно повернулся и неожиданно обратился к Александру на английском языке:

– Простить меня, сэр. Мне очень стыдно предстать перед Вас в такой виде.

– Ты говоришь по-английски. Кто ты, друг мой, и кто научил тебя английскому языку?

– Я говорить не только английский. Я знать мало-мало испанский и португальский.

Услышав неожиданную беседу Александра с индейцем, их обступили моряки экипажа «Быстрых парусов».

Суровый, как всегда, Боцман, немного говоривший по-английски, с удивлением смотрел на индейца, и вдруг его осенило:

– А уж не Джимми ли ты, не Джимми ли твое имя?

– Да, зовут меня Джимми, а еще Джемми, а еще Джереми.

– Джимми Пуговка! – захохотал Боцман и так хлопнул индейца по плечу, что тот даже присел, поморщившись от боли. – Джимми Пуговка, – не унимался Боцман. – Вот так встреча через тридцать лет. А помнишь ли ты меня – несмышленного юнгу на корабле капитана Роберта Фицроя?

– Нет. Извинить моя, пожалуйста, за то, что я вас не очень помню. Капитан Роберт помню, учитель Ричарда помню. А Вас никак вспомнить. Вернее – много-много не помнить, совсем не помнить, извинить моя, пожалуйста. Пройти столько лет, а как вы меня узнать?

– Да я и не узнал тебя вовсе. Догадался. Я подумал, кто из туземцев в этой дыре может говорить по-английски. Да еще понимает немного испанский и португальский. Я и подумал, не Джемми ли это Пуговка – всеобщий любимец. Ты таким и остался – живым и приветливым Джемми. Хотя тогда ты был маленький и кругленький, а сейчас – маленький и совсем худой.

– Ты действительно так хорошо знаешь прославленного, теперь уже адмирала, Роберта Фицроя? – спросил капитан Александр.

– Не только капитан Роберт, но мало-мало и король с королева Англии. Фицрой обучить меня язык, научить одеваться, вести моя правильно за столом, и даже он представить нас сама Английская королева.

– Ты говорил с королевой в таком виде?

– Да нет же, Александр, – сказал Боцман. – Капитан Роберт взял их, четверых молодых людей, отсюда, с островов Блуждающих Огней, одел, отмыл, научил приличным манерам и после двух лет жизни и обучения ремеслам в Англии представил королевской чете в Сент-Джеймском дворце. Но потом отправил сюда – просвещать индейцев. Помог поставить хижины, разбить огороды, дал много вещей и одежды. Ты бы видел, Александр, какой Джемми был франт, как он умел следить за своей одеждой, прической, какие у него были белоснежные перчатки и как у него всегда блестели ботинки – так, что вся команда ему завидовала. А ты бы видел, как искренне он огорчился, когда на его ботинках обнаружилось хотя бы одно пятнышко.

– Что же, Боцман, он был не один такой?

– Было еще трое: краснокожие парни, которых называли Лодка Памяти и Йоркский Собор, и девушка, такая застенчивая девушка Фуэгия Корзины.

– Где же они теперь?

– Лодка Памяти заболел в Англии и покинул сей грешный мир, а этих двоих привезли сюда вместе с Джемми. Скажи-ка, весельчак Джемми, где теперь эти твои краснокожие друзья?

– Пожалуйста, не сердиться на моя, милый господин Боцман, но не друзья они моя, совсем-совсем. Йоркский Собор мало-мало старше моя. Еще Англия взять Фуэгия в жены. Они были обручать. О, капитан Александр! Как нас торжественно принимать английская король и королева! Сам Король Вильям Четвертый говорить моя и Собор, спрашивать про погода архипелаг Блуждающий огни и погода Англия. Я сказать, что погода очень похожий, очень похожий, только Англия погода мало-мало теплее. Совсем немного. С Фуэгия беседовать сама Королева Аделаида. Она подарить Фуэгия колечко, шляпка и кошелек с деньгами, чтобы Фуэтия мог покупать новый платье.

А когда я вернуться, взять в жены молодой местный девушка. И Собор уговорить меня с жена навестить его родные места. Мы иметь уже свои лодки. После дневной переход мы найти хорошую бухту и разбить лагерь. Собор совершить большой-большой подлость. Наутро, когда мы с жена проснуться, Собор с Фуэгия уже не быть. Не быть также наши вещи. Мы остаться совсем голый, как нас взять с собой капитан Роберт. Мы их не видеть больше. Собор очень плохая человек. Недобрая человек.

– А где же твоя жена, Джемми? Может, ты приведешь её сюда? – спросил капитан Александр.

– Она ждать меня на берегу, в моей вигвам. Пусть капитан не беспокоиться. Она ни за что пойти сюда. Она быть дожидать меня.

Капитан Александр попросил матросов помочь Джимми помыться, подстричься, дать ему одежду и обувь.

Когда Джимми появился в кают-компании, все ахнули. Он был во фраке с белой рубашкой и белой бабочкой. Волосы его были аккуратно уложены, а начищенные ботинки просто сияли.

Тяжелая жизнь первобытного человека оставила, конечно, на его лице неизгладимые следы. Но когда Джимми Пуговка улыбался, он был само очарование. Оказалось к тому же, что он сохранил хорошие манеры: прекрасно управлялся с ложкой и вилкой и ел так же опрятно, как и прежде.

Джимми Пуговка держал Удачу за руку в тот момент, когда решил навестить корабль капитана Александра. Капитан подарил ему много разной одежды и обуви, стальные инструменты и ножи, ткани, много различных нужных в жизни предметов.

И для капитана Александра это тоже была удачная встреча. Конечно, ни о каких древних сооружениях и кладях Пуговка не знал, но сообщил, где на архипелаге Блуждающих Огней появились белые люди, и сказал, что искать их надо на берегах залива Оошооуа канала Гончей. Эти белые люди могут знать и о Томасе Бриджесе.

Сам-то он, Джимми, Томаса, конечно, знает. И «очень хорошо относиться». «Томас недавно был здесь, в этих местах. И двоих своих сыновей Джимми отправить с Томасом без страха для обучения на остров Адмирал Кеппел». Но где точно живет сам Томас, он, Джимми Пуговка, не знает. «А белые люди, наверняка, знают. Так что направляйтесь в сторону канала Гончей», – сказал Пуговка. Дальнейший план экспедиции становился понятен.

Со своей обычной доброжелательностью Джимми принес из лодки и подарил экипажу две прекрасные шкурки выдр, а наконечники для копий и стрел, изготовленные собственными руками, – капитану.

Джимми покорила команду корабля веселым нравом и открытым характером. Он допоздна рассказывал морякам о своей натуральной жизни на лоне природы, о том, что у него «слишком много» еды, что ему не холодно, что его родичи – люди очень хорошие, и очень хорошая у него жена, и что он не желает возвращаться в Англию.

– Как ты можешь жить в таком холоде, под дождем и снегом, почти без одежды? – спросил Александр.

– Твое лицо, капитан, тоже жить без одежды и не бояться холода. Весь мой тело – как твое лицо, – хохотал Джимми, и капитан Александр – вместе с ним.

– Что стало с твоим учителем, миссионером Ричардом Мэттьюсом?

– Индейцы обижают его, отнять весь одежду. Учитель Ричарда пришлось вернуться в Англию. Меня интересовало капитан Роберт Пуговка много-много уважать его.

– Капитан Роберт Фицрой – великий человек, – сказал капитан Александр. – Он первый исследовал ваши земли. Первый научился предсказывать погоду и создал в Англии специальную службу прогноза погоды. Возможно, тебе доведется побывать в краю Большой Ноги. Там есть недоступная, покрытая снегом вершина. Ни один человек не может её покорить, никто не может подняться по её отвесным гранитным стенам. Именем Роберта Фицроя названа эта гора – именем необыкновенного человека, всю свою жизнь достигавшего того, что все считали недостижимым.

– О, капитан Роберт всегда был много-много великий человек. Пуговка хотел узнать молодой натуралист Чарли. Пуговка помнить Чарли. Чарли всегда был плохо-плохо, когда штормить, когда качать. Пуговка всегда жалеть Чарли. Бедный, бедный мальчик.

– Ты правильно сказал, Джимми. На корабле капитана Роберта Фицроя путешествовал молодой натуралист Чарли. Теперь это всемирно известный ученый сэр Чарльз Дарвин. Он первым догадался и рассказал нам, как за миллионы лет развития из обезьяны в конце концов получился современный человек. А книгу свою он назвал «Теория эволюции».

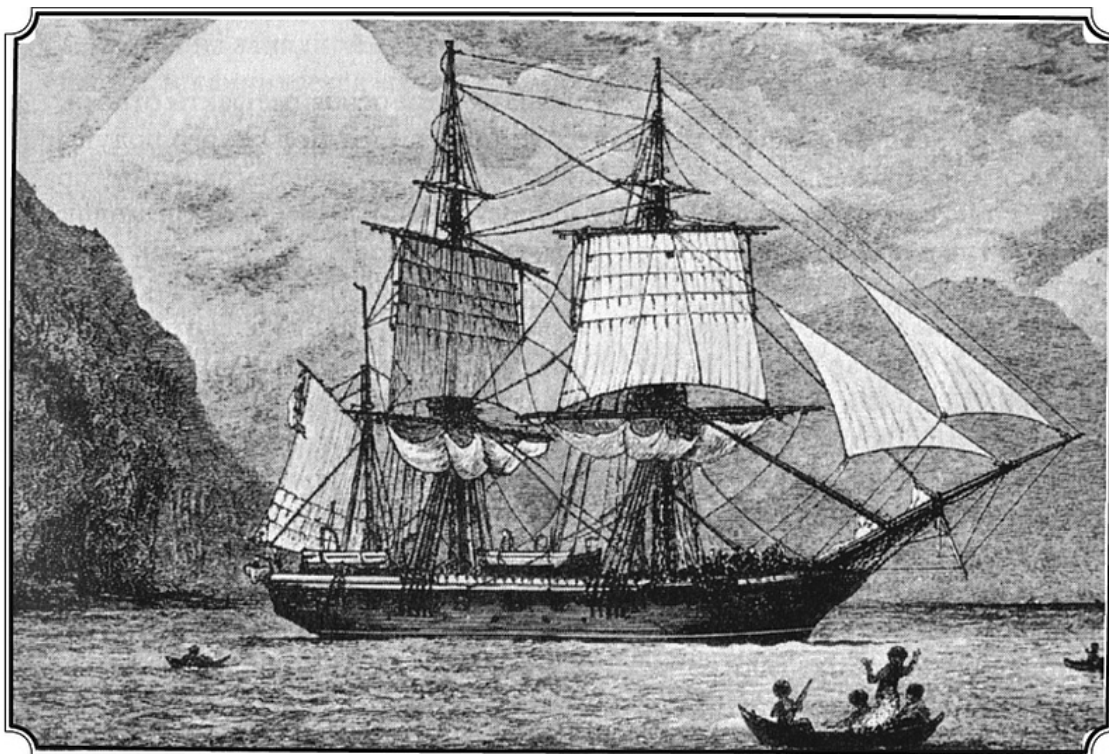
Настала пора расставаться с Джимми. Несмотря на поздний вечер, капитан Александр решил не терять ни минуты и немедленно отправиться к каналу Гончей. Моряки вручали Джимми подарки, и каждый человек на борту был искренне огорчен, пожимая ему руку в последний раз. Александр с минуту постоял с Джимми на прощанье. Капитану показалось, что лежащая между ними пропасть веков не так уж очевидна. Тем временем матросы начали поднимать якорь.

Жена Джимми, наблюдавшая за кораблем с берега, решила, что моряки увозят с собой ее мужа, и стала отчаянно кричать. Убивалась она до тех пор, пока не увидела, что Джимми, цел и невредим, спускается в свой челнок.

Вернувшись на берег, Джимми развел большой костер – приветственный сигнал своим старым-новым друзьям. Взвился дымок, как бы посылая последнее и долгое «прости». Корабль поднял паруса и, превратившись в огромную белокрылую птицу, направился к выходу из

бухты. Моряки махали Джимми руками и платками. Они искренне надеялись, что, возможно, когда-нибудь потерпевший кораблекрушение моряк найдет приют у потомков Джимми Пуговки и его племени. И тогда капитан Фицрой будет вознагражден за те великодушные усилия, которые он предпринимал ради спасения несчастных, как он считал, Фуэгинов.

Канал Гончей

Корабль «Быстрые паруса» двигался в проливе Понсонби по направлению к каналу Гончей. Канал Гончей, открытый Р. Фицроем тогда, когда он был еще капитаном, а не адмиралом, пересекает южную часть архипелага Блуждающих Огней с запада на восток. Посредине к нему примыкает с юга под прямым углом извилистый проход пролива Понсонби. Миновав Понсонби и достигнув входа в канал Гончей, капитан Александр поставил свой корабль на стоянку в Тихой бухте. Канал Гончей, ограниченный с обеих сторон цепями гор, тянется на двести километров, почти не меняясь по ширине в четыре километра, или около того. Он до того прям, что если смотреть вдоль него к линии горизонта, он не исчезает за поворотом, а уходит все дальше и дальше и как бы исчезает, становясь почти неразличимым.

Моряки восхищались красотой пейзажа, который приобретал на канале Гончей особый величавый характер. Горы поднимались до тысячеметровой высоты и заканчивались заостренными зубчатыми вершинами. По склонам гор ровно и горизонтально проходила черта, по которой, словно верхняя граница тины на взморье, заканчивалась лесная полоса.

Отряд матросов на нескольких шлюпках, во главе с капитаном Александром, высадился на берегу канала Гончей, чтобы отдохнуть, пополнить запасы воды и дров, а запасы камбуза – охотничьими трофеями. Матросы вытащили шлюпки на берег и разбили лагерь. День выдался жаркий, и солнце, на удивление, так пекло, что обжигало кожу моряков, отвыкшую от внимания небесного светила. Вид с середины канала Гончей был чудесным: куда ни глянь – вправо ли, влево ли – ничто не заслоняло двух точек на горизонте, на западе и на востоке, где длинный, прорезающий горы водный рукав терялся из виду. Это была, безусловно, морская протока, соединяющая два океана, чему свидетельством были и сильное течение, и неизменная соленость воды, и достаточная глубина на всем протяжении канала.

Словно в подтверждение этому вдалеке показались два чудовища – два громадных китакашалота, вероятно, самец и самка. Они медленно плыли друг за другом вдоль берега, выбра-

сывая ноздрями фонтаны воды. Киты беспечно приближались к лагерю путешественников, видимо, не замечая людей и палаток, скрытых нависающими над водой деревьями.

– Тише, тише, друзья мои, – сказал капитан Александр. – Не спугните этих красавцев, пусть они спокойно продолжают свой путь.

Молодой морячок, забравшийся на дерево, чтобы лучше наблюдать за приближением китов, вдруг заметил, что кит, плывший первым, был не черным, не синим и не серым, а белым. Конечно, это был Моби Дик. Вот так неожиданная встреча! Капитан Александр взял рупор и, приблизив его к водной поверхности, чтобы звук лучше распространялся по воде, запел протяжные китовые песни, прерывая их легким скрежетом и пощелкиванием.

Кит, плывший первым, остановился, приподнял над водой массивную голову:

– Кто зовет Моби Дика, кто может знать его в этих забытых богом краях?

Киты продолжали медленно продвигаться вдоль берега, и вот деревья открылись, и они увидели корабль, покачивающийся, словно лебедь, в уютной бухте, лагерь, разбитый неподалеку матросами, дымок небольшого костра. А вот и знакомая фигура капитана Александра, стоящего с рупором у самой кромки приюта.

– Это ты, капитан? Откуда ты взялся?

– Как всегда, странствую, пришел сюда на «Быстрых парусах». А как ты живешь, и что тебя занесло сюда, старина, в эти негостеприимные моря и проливы?

– Живу неплохо. С тех пор как ты договорился с китобоями не трогать кашалотов, море стало безопасным. Я подумал, почему бы тебе, Моби Дик, не вернуться к нормальной жизни? И теперь я не один. Разве ты не видишь, Александр? Это подруга моя, Анита, Анита Грэй. Посмотри, какая красавица. У меня началась новая жизнь. Мы с Анитой решили уплыть подальше, туда, где нас не побеспокоят ни киты-родственники, ни морские чудовища, ни люди на кораблях и шлюпках. Это наше свадебное путешествие.

– Поздравляю тебя, дружище. И тебя, Анита, тоже поздравляю. Можешь быть уверена: кит, которого ты выбрала, Моби Дик, самый благородный и могучий из всех известных мне китов. С ним ты будешь чувствовать себя в полной безопасности. Он никому не позволит обидеть свою подругу.

Капитан Александр и его команда были очень рады встрече с Моби Диком и Анитой Грэй. Все сочли, что встреча с китами у ворот канала Гончей – хорошее предзнаменование, означающее, что здесь их экспедицию ждет успех.

Радости же китов не было предела: они ревели, щелкали, свистели, беспрестанно били по воде хвостами и с шумом выбрасывали фонтаны воды, ниспадающие гигантскими папоротниками. Кашалоты выскакивали из воды вертикально вверх до самых хвостовых плавников и потом падали боком, высоко разбрызгивая воду, с грохотом, напоминающим далекий залп пушек морского корабля.

Прощаясь, Моби Дик пожелал Александру успешного продолжения экспедиции, а капитан Александр пожелал симпатичным китам, чтобы у них поскорее появились маленькие Дики и Аниты и чтобы их род продолжился.

Киты уплыли, и капитан Александр до глубокой ночи сидел на берегу, вспоминая Моби Дика. Слушал тихое шуршание волн по гальке, смотрел вдоль освещенных луной берегов канала Гончей и ощущал удивительную торжественность этого пейзажа. С особой ясностью он сознавал в этот момент, в каком отдаленном уголке мира находится. Все способствовало этому – безмолвие ночи нарушалось только мирным плеском волн, тяжелым дыханием моряков в палатках, иногда криком ночной птицы. Лишь изредка лай собаки где-то вдалеке напоминал, что и в этом краю тоже живут люди.

В приподнятом настроении путешественники продолжают свой путь по каналу Гончей. Виды, открывающиеся путникам, становятся все грандиознее. Высокие горы на северном берегу мощной цепью уходят все дальше и дальше, образуя становой хребет, гранитный

стержень целого континента. Пики гор поднимаются до двух и более тысяч метров, подпирая небесный свод могучими вершинами. Их склоны и обрывы покрыты сверкающим панцирем вечных снегов, при таянии которых многочисленные водопады сбрасывают свои воды через зелено-бурую листву леса вниз, в узкий канал. Великолепные ледники голубоватой лавой стекают местами до самой воды.

Путешественники спустили шлюпки и вместе с капитаном Александром высадились на южном берегу канала, чтобы полюбоваться величественной панорамой, а Штурман, по приказу капитана, отвел корабль на стоянку в безопасную бухту, подальше от блистательной красоты грозных ледников. Путешественники дали название этому участку канала – Авеню ледников, а ледяные потоки, спускающиеся с гор и напоминающие ледники Альп, получили названия: ледник Германия, ледник Франция, ледник Италия, ледник Швейцария.

Расщелины ледников как бы светятся изнутри неземным голубым сиянием. Замерзшие Ниагары льда ничуть не менее красивы, чем каскады падающей воды. Их бериллиевая голубизна выгодно контрастирует с мертвой сероватой белизной снеговых просторов наверху. От ледников отрываются и падают в воду ледяные обломки и уплывают по каналу дальше. Канал с льдинами и айсбергами представляет некое подобие Ледовитого океана. Зачарованные этой северной кантатой путешественники, которым хочется дожидаться падения в воду обломков льда, забывают, что они беспечно расположились совсем недалеко от высокого ста двадцатиметрового отвесного ледяного обрыва. Их шлюпки кажутся ничтожными скорлупками у подножья ледяного великана.

Неизвестно откуда доносится шум и скрежет. С грохотом отрывается и летит вниз огромная глыба. Пятиметровая волна, полупрозрачная, гладкая, отполированная, без пены, поднимается над такой же гладкой поверхностью канала. Даже столь опытные моряки никогда ранее не видели ничего подобного. Как замороженные, смотрят они на неестественно плавные очертания высокой волны, бесшумно бегущей в сторону места их стоянки. Капитан первым догадывается об опасности быть разбитыми вдребезги, которая грозит их шлюпкам, лежащим на берегу в прибрежной полосе. А ведь в них находится много провизии и оружия. И без лодок путешественники не смогут вернуться к своему кораблю.

Капитан метнулся к шлюпкам и оттащил одну из них подальше от берега. Матросы, очнувшись от оцепенения, мчатся вслед за ним к другим лодкам, но не успевают – их настигает и захлестывает водяной поток. Некоторых сбивает с ног и несет по стиральной доске из гладких камней. Пораженные видением необычной волны, матросы никак не могут прийти

в себя. Растерявшись и словно утратив, казалось бы, навсегда вошедшие в их кровь и плоть навыки борьбы со стихией, как маленькие дети, беспомощно барахтаются они в полосе прибоя, в поисках опоры хватают руками песок и гальку. Волна несколько раз поднимает и опускает шлюпки, ударяя их килем о песчаный берег. К счастью, все заканчивается благополучно. Матросы отделались ушибами и легким испугом, лодки же не получили видимых повреждений. Внимательно разглядывает капитан изрядно потрепанных и обескураженных участников этого «морского сражения».

– Не огорчайтесь, друзья мои. Поверьте, именно сейчас вы выглядите как настоящие морские волки, – со смехом говорит им Александр.

Впоследствии, по возвращении на корабль, и само это происшествие, и попавшие в смешное положение незадачливые матросы долго еще были предметом обсуждений, веселых насмешек, шуток и дружного смеха всей команды.

Залив Заката

*Глядя на закат
Печальным взглядом попрошайки,
Смирюсь со смертью путешественника,
Страждущего от боли своего поражения.
На меня, сидящего на троне,
Падает тень, пришедшая со стороны заката.
Я не могу ехать дальше, мне нечего больше ждать.
Зачем мне идти вперед?
Пусть сгниет мой крест в отбросах,
В которых канула моя вера в судьбу
И покрылась тиной моя память.
Я не достоин другого конца, я – мучающийся
странник,
Переживающий ночь своей истории,
Странник, оставляющий на своем пути
След человеческой крови.*

Неизвестный заключенный

*Предельных вершин достигает только то блаженство, которое
взметнулось вверх из предельных глубин отчаянья.*

Стефан Цвейг

Залив Оошооуа, о котором говорил индеец Пуговка. Залив, обращенный на Запад; залив, проникающий к Западу; залив, который просачивается к Закату; длинный залив на Запад; в глубине залива к Закату. Разные переводы индейского названия залива. Залив Заката.

Когда солнце стоит в самой своей верхней точке, его свет почти не греет эту суровую землю, населенную мужественными потомками английских колонистов, ссыльных анархистов и авантюристов всех мастей.

При входе в бухту расположилась береговая охрана. Рядом с охраной – флаг Серебряной страны, установленный Южно-Атлантической Экспедиционной Дивизией под руководством полковника Аугусто Лассере. Да, здесь есть пристань, есть и небольшой поселок. Жалкий осколок цивилизованного мира, столица заброшенного архипелага Блуждающих Огней, столица архипелага Дыма. Символичное название. То ли есть этот архипелаг, то ли его нет и никогда не было. Поселок, который почему-то называется городом. Город-символ для всего человечества. Самый южный на планете. Город, который известен как «Конец мира».

Строительство города, расположенного на месте старого причала китобойных и зверобойных судов, начиналось с того момента, когда президент Серебряной страны Хулио Рока подписал указ «О создании исправительно-трудовой колонии на Юге Республики». Основными целями создания колонии, написано в указе, являются: наказание преступников, заселение и освоение пустынных островов архипелага, обеспечение суверенитета Серебряной страны над этой землей.

Сюда, в новую каторжную колонию, отправляли самых опасных преступников и насильников со всего мира. Слухи о жестокости некоторых из них, например, Каэтано Сантос Годино, по прозвищу Длинноухий коротышка, обвиненного в убийстве более десятка детей, разнеслись далеко за пределы Южной Америки. Суровый климат, удаленность от центра цивилизации, расположение на острове, с которого невозможно бежать, – вот отличительные особенности этой тюрьмы, которую называли «Ужас заключенных». Суда из города Добрых Ветров, столицы Серебряной страны, приходили в колонию не чаще одного раза в месяц. В остальное время всё необходимое для жизни заключенные должны были обеспечивать себе сами.

Жили они в грубо сколоченных деревянных сараях, обитых цинком. В поселке все было сделано руками каторжников: пирс, дороги, общественные здания. Зимой и летом, в дождь и мороз, заключенных вывозили на работу по вырубке густого предантарктического леса. Вырубленные деревья использовались для строительства и отопления домов, тюремных бараков, а также как топливо для электростанции, обеспечивающей освещение поселка и работу телеграфа. Город создавали буквально на пустом месте. Были построены и организованы различные мастерские. Рабочих рук и специалистов не хватало, поэтому в мастерских от зари до зари в основном трудились заключенные. Их же направляли на лесопилку, в столярную мастерскую, в кузницу, они пекли хлеб, шили одежду, чинили обувь. Прокладывали улицы, дороги, разбивали площади, строили мосты. В поселке осуществлялось медицинское обслуживание, имелись аптека, телеграф, дом печати. Везде работали каторжники.

Каждое утро из тюрьмы на вырубку леса отправлялись поезда. Дорога была проложена в сторону горы Монте Сусана через центр зигзагообразной долины реки Пипо, названной именем заключенного, одного из немногих отчаянных, пытавшихся бежать с этой каторги. Попытки побега смельчаков, как и побег Пипо, заканчивались неудачно: после двух-трех дней скитаний голодные и замерзшие беглецы сами возвращались в тюрьму. В лес были проложены деревянные рельсы. По ним волю тянули деревянные двухколесные повозки с трехметровыми колесами. Вдоль бортов каждой повозки на длинных скамейках ногами наружу сидели заключенные, одетые в желто-синие полосатые куртки, брюки и матерчатые шапочки. Перед выездом из тюрьмы на их ноги надевались кандалы.

Вначале выезжал поезд, который назывался «Конец Пути». Этим поездом на нескольких повозках отправляли двадцать заключенных, которые укладывали рельсы на ими же заготовленные шпалы. Непрочные пути ломались, и их приходилось часто разбирать и собирать.

В семь утра на втором поезде, «Поезде Заключенных», выезжала следующая партия – до девяноста арестантов в сопровождении вооруженных до зубов охранников. С ними была группа невооруженных надзирателей, которые обеспечивали руководство работами.

По прибытии на место работы каторжников выстраивали, выкрикивали по номерам, а потом распределяли между ними обязанности.

В полдень объявлялся перерыв на обед. Заключенных опять выстраивали, пересчитывали и в сопровождении надзирателей направляли на обед в ранчо. Слово «ранчо» не всегда обозначало какую-нибудь лачугу. Просто так называли место, где обедали арестанты.

После окончания рабочего дня каторжников доставляли в тюрьму на повозках, нагруженных заготовленными дровами. Обратная дорога занимала гораздо больше времени. На поезде перевозилось до семисот срубленных деревьев: четыреста – для обогрева тюрьмы, триста – на электростанцию. Во время дождей и снегопадов повозки часто сходили с путей, и заключенным самим приходилось их толкать, устанавливая на рельсы. Изнурительная работа по заготовке дров не прерывалась ни на день. На лесозаготовках работали в условиях сурового климата – и при зимнем морозе, и во время дождя и ледяных ветров, и при палящем солнце.

Если заключенные не выполняли как подобает свои обязанности, их наказывали. Заставляли стоять в течение нескольких часов, зачастую не в тюрьме, а под открытым небом. Наказывали также запретом покидать свою камеру, изолируя тем самым от других каторжников. Питались они при этом только хлебом и водой.

Заключенных не только наказывали, но и премировали. Премией могла быть поездка на поезде «Конец пути» на рубку леса или работа в мастерских за пределами тюрьмы. Эта работа считалась легкой и почетной.

Временами поезд проходил через густой зеленый тоннель, напоминающий тот могучий предполярный лес, который увидели первые прибывшие сюда каторжники, тот лес, которого еще не касалась рука человека. Буковые и лавровые заросли, а также заросли других деревьев, малознакомых первым поселенцам и заключенным, приехавшим и высланным в основном из Европы, были почти непроходимы. Теперь справа и слева от дороги открывались виды на обширные пространства, где от густого леса остались только выбеленные водой и ветром пеньки срубленных деревьев – молчаливые свидетели работы каторжников на краю света.

По пенькам, открывающимся нашему взору, можно судить о густоте вырубленного леса. Разная высота пеньков была связана с тем, что заключенные на лесозаготовках пользовались разными орудиями труда: топором или двуручной пилой. О том, в какое время года были срублены деревья, также можно было судить по пенькам: зимой получались высокие пенки, «рост» которых определялся толщиной снежного покрова, летом – низкие.

Такова была картина рукотворных разрушений этих когда-то девственных лесов на фоне тысячелетиями возвышающихся величественных гор и прозрачных водопадов, ведущих долгую нескончаемую беседу друг с другом, не обращая внимания на суету грешных, суетливых и тщеславных двуногих созданий. Картина эта дополнялась безотрадным видом несрубленных, засохших на корню деревьев, изогнутых, искорёженных, выбеленных и несгнивших, образующих настоящее кладбище великанов растительного мира. Кладбища эти – наваленные деревья, мох на стволах и на почве вместо травы и цветов – также результат деятельности очередных пришельцев в предполярные леса, на этот раз – бобров, наводящих здесь свои порядки, устраивающих запруды, а потом, после гибели деревьев и кустарников, бросающих их ради своих «бесчинств» в новых местах.

Капитан Александр осмотрел поселок и окрестности. В центре поселка – тюрьма. Над зданием тюрьмы длинная матерчатая перетяжка. Выцветшими зеленоватыми буквами написано: «Здесь все делается ради заключенных». У солдат охраны – лица, типичные для военнослужащих определенного рода войск, задача которых – управлять и подавлять. С них, с этих лиц, не сходит выражение свирепого достоинства, необходимое для постоянного устрашения заключенных.

Недалеко от здания тюрьмы высились кучи мусора, отбросов, опилок, отходов кухни, поросших неказистыми сорными растениями. Как и везде, рядом с помойками можно увидеть животных и птиц, ищущих чем поживиться. Все в этих краях кажется удивительным и непривычным даже такому опытному человеку, каким был капитан Александр. Вместо ворон на кучах пищевых отходов сидели большие черные каранчо, лесные соколы с голыми красноватыми или оранжевыми лицами, питающиеся змеями, ящерицами и падалью. Вместо собак сновали красные лисицы. Падальщики дрались из-за отбросов. Тявканье лисиц прерывалось разнообразными криками каранчо: карканьем («трах-рро!»), напоминающим стук друг о друга двух твердых кусков дерева, диким хохотом, пугающим проходящих мимо людей, и жуткими стонами. Вместо крыс – кролики, разбегающиеся при появлении лисиц и каранчо. Вокруг – ни одного знакомого растения, ни одной знакомой травинки. Увидев вдруг люпин, цветок русских лугов и садов, капитан Александр бросился к нему как к родному.

– Люпин, малыш! Как тебя занесло сюда, на край света?

Капитан Александр думал о судьбе заключенных, сосланных сюда, к заливу Заката. «Местная» Сибирь. Только климат значительно мягче. Да уж. Куда-то не туда ты прибыл, капитан Александр. Не лучшее это место для поисков следов древних цивилизаций.

После того как Александр предъявил рекомендательные письма от Его Преподобия Лююиса Доджсона и от мэра Добрых Ветров, столицы Серебряной страны (таким письмом капитан также предусмотрительно запасся), охрана колонии изъявила готовность оказать Александру всяческое содействие. Как мы знаем, Александр хотел получить какую-нибудь информацию о Томасе Бриджесе, но никто из охраны ничего о нем и его миссии не слышал.

– Мы только что прибыли из Хорватии. И никого здесь не знаем. Не поговорить ли Вам с заключенными? – сказал пожилой солдат. – Среди них есть образованные люди из Америки, Европы и даже из России.

Капитана Александра впустили на территорию тюрьмы. Как раз в этот момент готовилась отправка заключенных на лесоповал.

Капитан Александр проходил вдоль повозок и вдруг услышал русскую речь. Вот это была неожиданность. Как на эту, самую дальнюю каторгу попали русские?

До отправки «поезда» оставалось время, и капитан разговорился с одним из русских заключенных. Огромный, страшный, заросший, волосатый. Звали его Симон Радовицкий.

– Рад познакомиться, капитан Александр. Кто мы такие, русские каторжники? Анархисты! Формула анархистов всего мира: «Ни бога, ни властелина!» Мы бежали из России, думали найти свободу здесь, на краю земли. Там задыхались в дебрях бесчеловечных законов. Здесь, в Серебряной стране, свободы тоже не нашли.

Симон долго и увлеченно рассказывал об идеях анархистов:

– Анархия не означает «беспорядок». Анархия означает «без власти». Мы, анархисты, хотим ликвидировать эксплуатацию и власть одного человека над другим. Мы боремся за свободу личности, за жизнь без государственного принуждения, без правительств и государств. Анархизм – идея, как лучше всего жить, анархия – образ жизни. Миллион лет существовали наши предки, охотники, собиратели, пастухи, малыми группами равных, без власти и иерархии. Их общества были успешны, иначе не было бы нас. Государство существует всего несколько тысяч лет. А анархические общества живы до сих пор: бушмены, пигмеи, австралийские аборигены и, наконец, Фуэгины.

Посмотри, как живут Селькамы и Яманы. Тебе кажется жалкой их жизнь? Нет, это не так. Они любят друг друга. У них дружные семьи. Они довольствуются тем, что дает скудная природа. Никому не подчиняются. У них нет вождей. Они свободны. Думаешь, они менее счастливы, чем мы? Если бы это было так, они перестали бы рожать детей и давно вымерли бы. Зачем «цивилизованные» люди вторгаются в их чистую жизнь? Везде, где ступает нога белого человека, красному человеку грозят вымирание, болезни и смерть. Эти «цивилизаторы» говорят, что хотят индейцам добра? Но благодаря их вмешательству племя за племенем, народ за народом уходят в историю. И здесь, на краю земли, на островах архипелага «Блуждающих Огней», свободы тоже не найти.

– Можно согласиться. Что предлагаешь? Вернуться к первобытному состоянию?

– Не надо возвращаться, надо заимствовать идеи. Жизнь человека и отдельных групп в таких обществах построена с учетом личных и групповых интересов. Решения принимаются добровольно, на основе взаимопонимания и выгодных всем совместных действий. При конфликтах, вместо обращения в суд, находят компромисс в теплых, доверительных беседах с участием родственников и друзей.

– Насколько я знаю, сейчас в обществе почти нет таких взаимоотношений.

– Ошибаешься, Александр. В повседневной жизни отношения людей полностью анархичны. Даже под гнетом худшего деспотизма большая часть личных взаимоотношений человека с другими людьми строится на основе добровольного согласия, без которого жизнь невозможна. Семья, дружба, любовь, молитва, отдых, стихийная взаимопомощь при выполнении работ – все они анархичны.

– Но анархия не дает результата, не работает на практике.

– Это единственное, что работает. И государство, и экономика строятся на фундаменте анархии. Пьер-Жан Прудон, отец анархии, сказал: «Свобода – не дочь, а мать порядка». Потому что этот порядок основан на договоренностях знающих друг друга людей, на общественном согласии, на общественном здравом смысле.

– Как же вы видите такое общество?

– Точного плана нет. Мир станет разнообразным. Главным законом общественной жизни станет сотрудничество вместо конкуренции. Общество – иллюзия, человек – реальность. Общество существует для благ индивидов, а не наоборот. Оно будет состоять из большого количества локальных замкнутых сообществ, объединяющихся только для координации, если отдельные сообщества не могут решить какую-либо задачу.

Нет правительств. Выбираются Советы, у которых нет власти, но есть ответственность. Это иерархия наоборот: чем выше уровень, тем меньше ответственности передается. Основ-

ные решения принимаются на нижнем уровне, для себя, без противоречий, с учетом мнений других групп. Такими ячейками станут семьи и объединения людей по интересам и видам деятельности.

– А чем вас не устраивают демократические общества?

– В таких обществах демократия существует только в момент выборов. Выбирают горстку политиков, которые потом контролируют наши жизни с помощью законов, бюрократов и полицейских, нравится это нам или не нравится⁹.

– Говорят, что анархисты склонны к насилию.

– Анархистам далеко до демократов, республиканцев, либералов и консерваторов, которые только кажутся миролюбивыми. Всю грязную работу за них выполняет государственная машина, которая по определению является аппаратом насилия. Государство использует насилие каждый день.

– Звучит убедительно. Как же вы добьетесь общественного переустройства? Как уничтожите государство?

– Пути разные: военный переворот, борьба на фронтах войны с деспотическими режимами, теракты, саботаж. Анархисты – разношерстная компания. Среди некоторых анархистов популярны идеи ненасильственной смены власти. Это лишь оторванные от жизни теории и бесполезные мечтания, хотя среди их сторонников – наш великий соотечественник граф Толстой. Большинство анархистов – люди дела. Главный вопрос анархии – тактика прямого действия. Люди должны взять судьбу в свои руки, индивидуально или коллективно, легально или нелегально, насильственно или без насилия. Мы используем все возможные методы. Рабочее движение. Народное образование, создание профсоюзов, забастовки, стачки.

Но это не главное. Политиков, бюрократов уничтожат не перевороты, а отказ народных масс работать, поддерживать загнивающие режимы. Всеобщая стачка, массовый отказ от работы приведут к уничтожению государства.

– Так же, как ты, говорят Маркс и марксисты.

– Попомни мои слова, Александр. «Цивилизованные» марксисты, они ведь хотят все обобществить, национализировать, установить диктатуру пролетариата. Если они придут к власти: у человека отнимут все: и собственность, и свободу. Государство превратится в тюрьму. Людей заставят забыть о личной жизни. Они будут жить только ради государства.

– Анархистов упрекают в использовании террора.

– Мы сторонники насилия, пропаганды с помощью актов прямого действия, террора и захвата фабрик. Показательные акты индивидуального террора, дающие примеры личного героизма и самоотречения, имеют огромное агитационное значение. Террор – самозащита анархистов, месть за репрессии властей против участников рабочего или крестьянского движения, запугивание правительств с целью получения от них уступок. Он призван поднять на борьбу народные массы.

– Вы даете выход личному чувству негодования и возмущения. Но индивидуальный террор приводит лишь к обратному результату. Он не имеет поддержки народа. Террором вы напугали насмерть буржуазию, но массы в него не поверили.

– Под видом анархистов часто действуют бандиты и авантюристы, которые компрометируют анархизм. Верны только те террористические акты, которые понятны массам, одобряются массами, приводят массы к пониманию необходимости участия в революции.

– За что ты выслан?

---

⁹ Жан-Жак Руссо: При демократии люди свободны только в момент подачи голосов, все остальное время они – рабы правительства.

– Я бросил бомбу в полковника Фальконе, шефа федеральной полиции в столице Серебряной страны, городе Добрых Ветров. Отомстил за репрессии против участников рабочих демонстраций, за расстрелы забастовщиков.

– Жаль, что ты выбрал такой путь.

– Это мой путь. Я – человек практических дел. Все права и полномочия я черпаю в самом себе, права и полномочия на все, что смогу осилить. Как сказал мой кумир Макс Штирнер: «Чистый эгоизм – базовая ценность анархистов». Я не чувствую ничего кроме злобы и ненависти к власти имущим. Все равно я уйду отсюда. И буду отвечать насилием на насилие. Преступлением на преступление. Убийством на убийство! – Глаза Симона сверкали непримиримым огнем, он весь был пропитан жадной борьбой. – Таких, как я, – сотни и тысячи. Всех не переловят. Ни бога, ни властелина! Никакой пощады властелинам. Возмездие ждет тех, кто дал нам закон вместо свободы! Мы вернемся в Россию. Мы построим там первое в мире царство анархии, где не будет власти законов. Где будет Воля. Где все будут свободны, как Селькамы и Яманы.

– Господь тебе судья, – сказал Александр. – Ты говоришь, что ищешь свободу для всех, а предлагаешь только борьбу и насилие. И хочешь, чтоб все остальные жили так же, как ты. Поверь мне, пройдут годы, ты разочаруешься в анархии и терроре. Если не погибнешь к тому времени, закончишь жизнь обычным человеком, может, здесь же, в Южной Америке. И будешь счастлив, будешь эту свою обыкновенную жизнь считать высшим благом. Так же, как считают твои любимые Селькамы и Яманы.

Потом капитан Александр спросил:

– Симон! Ты провел несколько лет на этой земле и в этих краях. Не знаешь ли ты что-нибудь об английском миссионере Томасе Бриджесе?

Симон ничего не знал о Томасе. Он посоветовал Александру поговорить с каторжником Кампоррой. Кампорра, который много слышал о капитане Александре, оказался на редкость обаятельным собеседником. Он рассказал Александру историю своей жизни, о том, что он был заметной политической фигурой в городе Добрых Ветров, был кандидатом в президенты Серебряной страны. Что ему не повезло на выборах, и он попал в заключение по наветам недоброжелателей.

– Времена меняются. Не сомневайся, Александр, я обязательно вернусь в столицу, – сказал он капитану Александру. – И сделаю все возможное, чтобы дать свободу жителям Серебряной страны. Чтобы были честные выборы. Чтобы в правительство пришли честные люди. Чтобы жизнь в стране стала лучше и справедливее. Чтобы трудящиеся получили достойную плату за труд, а старики – достойную старость. Верю в то, что именно так и будет, и мы с тобой, дорогой капитан, встретимся еще в другом месте и при других обстоятельствах. Ты известный, уважаемый человек, Александр. Слава о твоих добрых делах бежит впереди тебя. Надеюсь, наступит время, когда вместе мы сможем сделать много полезного. Хочешь разыскать миссионера Томаса Бриджеса? Не буду спрашивать о целях твоей экспедиции. Не знаю, зачем тебе нужен Томас, сумеет ли Томас тебе помочь. Могу сказать определенно только одно – ты не будешь разочарован, ты не потеряешь времени зря, если встретишься с этим удивительным человеком.

Кампорра объяснил Александру, как найти миссионера, и пожелал успехов его экспедиции.

В это время охранники объявили об отправлении «поезда». Капитан попрощался и с Симоном, и с Кампоррой. Симону он посоветовал подумать об их разговоре, а Кампорре пожелал скорейшего возвращения в столицу и успеха в его благородном деле.

«Поезд» с каторжниками двигался среди прекрасных гор и лесов, Александр долго смотрел ему вслед. Вдоль дороги на несколько километров вправо и влево пейзаж напоминал широкую полосу, образовавшуюся после прохождения урагана. Нельзя было без содрогания

смотреть на этот пейзаж. Ни деревьев, ни кустов поблизости от дороги не было. Только пни деревьев, поднимающиеся над землей от полуметра до метра.

– Да, – размышлял Александр. – Прав Симон. Тлен и разруха идут по стопам цивилизации. Наше государство порочно в своей основе. Идеи анархистов о свободе кажутся прекрасной мечтой. Люди должны стать свободными. И не только физически. Должен быть свободен их дух. Нужно уважать свою свободу и свободу других: свободу жизни, перемещения, самовыражения. Все правильно, Симон, равенство и братство.

Государство боится свободных людей, ими нельзя манипулировать. Государство защищает себя законами, с помощью которых наказывают людей, пытающихся сбросить власть. Забыто, что такое взаимопомощь, ответственность, доброта, сострадание, семья, дети, счастье, гармония, природа. Мораль общества подменила естественные ценности. Но ты, Симон, самто достоин этой свободы? Думаешь ли о свободе других? Берешь на себя право решать, кому жить, кому умереть. Без суда. Берешь на себя роль Господа. Так же поступают и твои «товарищи по борьбе». Кровь и страдания идут вслед за вами. Чем вы лучше тех, кто уничтожает индейцев Фуэгинов? Мы должны отказаться от пути Симона, где советчики – злоба и ненависть. Мы должны идти путем Кампорры, где советчики – доброта и правда.

Так думал капитан Александр, покидая залив Заката.

Много лет прошло с тех пор. Если приехать в эти места сейчас, трудно будет узнать тот залив Заката, на который мы только что смотрели глазами капитана Александра. В наше время это – центр туризма, благодатный край и уютный город, благоустроенный бывшими каторжниками, их потомками, потомками местных индейцев и авантюристов, заброшенных сюда в поисках новой жизни. Открываем путеводитель:

«История современного Оошооуа – это история заключенных, прибывших на край света в расплату за свою вину и изменивших коренным образом свою судьбу.

История людей, которые, несмотря на все невзгоды, выстояли и построили прекрасный город. Допустивших ошибки и искупивших вину. История о том, как человек может пасть и подняться, что и произошло с людьми „Поезда заключенных“. История, запечатленная в каждом тысячелетнем утесе. История, которая произошла... здесь... в... Оошооуа... на Краю Света. История, которую делали простые труженики последней земли».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.